

Умножение на ноль

(пьеса)

ДЕЙСТВУЮЩИЕ ЛИЦА:

МИХАИЛ ШНОЛЬ, 38 лет.

ТАНЯ КОЛОБКОВА, его жена, 36 лет.

САША, его одноклассница.

СЕРЁГА, он же – СЕРГЕЙ ФЁДОРОВИЧ, за 30, "гастролёр".

АСКЕР, его напарник, 40 лет.

БИВЕНЬ, 27 лет, соискатель.

ВОЛДЫРЬ, 55 лет, соискатель.

РИТА, чуть за 20.

И другие.

ПРОЛОГ

Лето. Железнодорожный вокзал города N, даже не города – городишки, где и поезда дольше десяти минут не задерживаются. На первом пути стоит состав. Возле каждого вагона – толпа. Мужчины, женщины, старики, школьники, дембеля, мамы с детьми. В руках – корзины, вёдра, котомки, тележки, баулы, чемоданы, велосипеды, собачки на поводке.

Толпа делится почти пополам: половина – продавцы, половина – пассажиры. Одни мечтают погуще навар снять. Другие – побыстрее добраться до места. Чтобы, наконец, осталась позади вся эта тягостная пытка. Эта мучительная вагонная каторга под нервный перестук колёс. С вечно неработающими кондиционерами, сломанными биотуалетами, духотой, запахами еды, перегара и потных тел, навязчивыми проводниками и наглыми продавцами на редких остановках.

– Молоко домашнее парное!

– Пиво! Водка! Сигареты!

– Клубнички, кому клубнички? Всё своё, натуральное! Не дорого отдаю!

– Молодая картошка, молодая картошка, молодая картошка, молодая картошка...

– Мягкие игрушки! Енотики, бегемотики, смешарики! Сумусы, Симпсоны, миньоны!

– Люди добрые, помогите Христа ради! Собираю дочери на операцию!

– Шурпа, шурма, домашняя выпечка, обеды, ужины!

Проводницы проверяют билеты. Курильщики остервенело восполняют дефицит никотина в организме. Неспешно прогуливается по перрону наряд полиции.

– До отправления скорого поезда «Москва-Владивосток» остаётся две минуты, – доносится из динамиков. – Просьба пассажиров занять свои места. Провожаящим просьба выйти из вагона. В связи с угрозой совершения террористических актов просим всех соблюдать бдительность. Не оставляйте свои вещи незнакомым людям. Не распивайте спиртные напитки со случайными попутчиками. Не играйте в азартные игры. В случае обнаружения подозрительных предметов незамедлительно сообщайте об этом сотрудникам полиции. Скорый поезд «Москва-Владивосток» с первого пути отправляется. Скорый поезд «Москва-Владивосток» с первого пути отправляется...

И вот уже машинист подал сигнал к отправлению. Поезд тронулся и вскоре скрылся за поворотом. Толпа исчезла, рассосалась, растаяла в послеполуденном зное, оставив после

себя горы объедков, газет, фантиков, пустых бутылок, окурков, пачек из-под сигарет, обёрток из-под мороженого, влажных салфеток, одноразовых носовых платков и пластиковых стаканчиков, которые ветер растаскивает по опустевшему вдруг перрону. Стая бездомных псов рыщет в поисках халявы. Вокзальные вороны роются в мусорных баках. Тишина.

С вокзала на перрон выбегают Серёга и Аскер. Оба – в трусах, майках и шлёпанцах. У них ничего нет, только барсетка на поясе у Серёги.

СЕРЁГА. А, чёрт! Чёрт! Ушёл! Вот мазе фака! Вот засада!

АСКЕР. Картина маслом. "Постой паровоз, не стучите колёса".

СЕРЁГА. Все вещи! Деньги! Всё! Костюмчик новый, ноут.

АСКЕР. Скажи ещё – всё, что заработано непосильным трудом.

СЕРЁГА. Ты издеваешься, да? Издеваешься? Всё ты! Ты виноват!

АСКЕР. Я в этом даже не сомневался.

СЕРЁГА. А что, скажешь, нет?! Не ты? Кому приспичило на вокзал? *(Передразнивает.)* "В буфете наверняка найдётся приличная кофемашинка".

АСКЕР. Легче! Легче! Не передёргивай факты, напарник. Это была твоя идея. Это тебе коньячка захотелось. А уж потом я про кофе подумал. Тебя же всё равно не остановишь, когда приспичит.

СЕРЁГА. Чёрт! Это попадалово! Попадалово! И что теперь?! Вот что мы тут теперь? Застряли в этой дыре!

АСКЕР. Идём к дежурному по вокзалу. Пишем заявление. Вещи снимают на следующей станции и отправляют сюда. Стандартная процедура. Не мы первые, не мы последние. Не разыгрывай мировую трагедию.

СЕРЁГА. Ты наивный, как сто чукотских мальчигов! Отправят они! Да-да-да! Особенно, когда чемодан денег найдут.

АСКЕР. Да, денег, конечно, жалко.

СЕРЁГА. Понятно, что не чемодан!

АСКЕР. У тебя сколько налички с собой?

СЕРЁГА. Да крохи, крохи! Может, полтосик. Не больше. На карманные расходы не хватит.

АСКЕР. Ничего, и с меньшего начинали.

СЕРЁГА. Ты что-то сказал?

АСКЕР. А что я сказал? Я говорю, работаем по старой схеме.

СЕРЁГА. Мы только в миллионниках работаем! У нас же правила, помнишь? Только в миллионниках! А в этой дыре мы спалимся на раз! И всё! Не жди меня, мама! И далее по тексту.

АСКЕР. Легче! Легче! У нас выбора нет. Просто нет выбора. Прими это как факт. Как данность. Как спецоперацию.

СЕРЁГА. Это рискованно! Здесь и затеряться негде, здесь все, все как на ладони, сечёшь? Где ты тут столько лошкочов найдёшь? Аудитория не наша! Не целевая тут аудитория. И бабосов нет. Это же видно невооружённым взглядом! Ты посмотри, это же нищевородский город! Тут одни богодулы живут!

АСКЕР. Зато они верят, понимаешь? Настоящая вера – она же только здесь и осталась. Они здесь доверчивые, не битые. Они на всё поведутся. В любую сказку поверят. И чем страшнее сказка – тем охотнее поверят. Ты им только пообещай небо в алмазах – и они тебе последнюю рубашку на блюдечке принесут.

СЕРЁГА. На фига мне их рубахи?! Мне деньги, деньги нужны!

АСКЕР. Знаешь, сейчас тебе и рубашка не повредит. И брючки лишними не будут. И галстучек, кстати, пригодится. В трусах и майках мы ещё не работали. Так! Всё! Подбиваем наличку, покупаем шмотки и дальше – по нашей методе.

СЕРЁГА. Всегда знал, что ты псих!

АСКЕР. Псих – не псих, а надо что-то делать. Сложные схемы тут не подойдут, так что работать будем в три этапа. Бог троицу любит, а народ наш в неё верит. Так что, может, и выгорит какое небольшое дельце. Должно выгореть. Только бы что-то подходящее в сети подвернулось. Что-нибудь эдакое, экзотическое, я бы сказал. Надо новости мировые погуглить. Всемирная паутина нам в помощь, напарник!

1.

Классическая "двушка" всё в том же городе N. Большая комната. Её почему-то принято называть гостиной, хотя по сути это, конечно, обычная спальная комната.

У стены напротив распахнутого окна двухместный скрипучий старый диван, который складывают и закидывают покрывалом только по большим праздникам. На стене за диваном висит ковёр. Конечно, уже не советский, с оленями или котятами, а более новой "модели", но всё одно старомодный. Кроме того, в комнате стоит небольшой газетный столик с парой почти отживших свой век кресел. На стене, вдоль которой расположился этот доисторический гарнитур, фотообои с частым чёрно-белым крапом на берёзовых стволах и выцветшим от времени небом, когда-то – ярко-синим. Вдоль противоположной стены стоят сервант и комод. В углу возле окна тумба для телевизора. Но самого телевизора нет. Только салфетка кружевная осталась. В другом углу – компьютерный стол, на котором красуется маленький мониторчик. Одним словом – не протолкнуться. Дверь в маленькую – "детскую" – комнату закрыта.

В центре комнаты стоит гладильная доска. За ней – Михаил. Он в трусах и майке. На голове – бандана. В руках огромный кухонный нож для разделки мяса. Даже не нож – настоящий тесак. На гладильной доске лежит здоровенный кочан капусты. Весь пол усыпан капустными листьями и кочерыжками. Михаил замахивается и старается разрубить кочан одним ударом. И чтоб ровно посередине. Не получается – во время каждого из ударов он то и дело зажмуривает глаза и дёргается. Вот и выходит, что то один "бочок" кочана подтешет, то другой. Капустные ошметки летят в разные стороны.

МИХАИЛ (*кладёт тесак, сжимает и разжимает уставшие пальцы*). Так... Спокойно. Ещё попытка. Сейчас. Дыхание выравниваем. Глубокий вдох. Выдох. Вот так. Хорошо. Соберись. (*Обхватывает свою голову ладонями, трясёт.*) Соберись, я сказал! На "раз" – замах. На "два" – удар. Чётко. Точно. Профессионально. Как ниндзя. Как самурай! И... Раз! Два!

*Раздаётся удар, капуста распадается на две половинки.
На пополам с треском разваливается и гладильная доска. Пауза.*

МИХАИЛ. Та-да-да-да! Прими, о Всевышний, душу преданной рабы твоей Капусты Белокочанной. И душу Доски Гладильной заодно с ней. Она десять лет служила нам верой и правдой! Да упокоится душа её на небесах! Та-да-да-да! Нет, ведь должно же, должно хоть иногда случаться с нами и что-то хорошее! Я это всегда знал. Я знал! А какой удар вышел! Красава! Поэма, а не удар! Вот это я постарался!

ТАНЯ (*неожиданно появляется из коридора, на ходу скидывает туфли, бросает на кресло сумку*). Я бы сказала – перестарался! Это что?! Что ты тут устроил?! Что это за капустное побоище?! Ты пьян? Дай, дай я тебя понюхаю! Не отворачивай морду! Ты же обещал, Миша! Ты обещал!

МИХАИЛ. Что? Что я тебе обещал? Что опять не так? Чего ты орёшь с порога? Ты вообще!.. Тебя вообще... тут не должно!

ТАНЯ. Нас перевели на сокращённый рабдень.

МИХАИЛ. Мировой капитализм показал и вам свой звериный оскал. Асталависта, бэби! Свобода попугаям!

ТАНЯ. Сам ты попугай! Ты посмотри на себя! Что ты тут устроил? Что это за цирк?

МИХАИЛ. Я уезжаю.

ТАНЯ. Надеюсь, весь этот срач ты заберёшь с собой!

МИХАИЛ. Я уезжаю налегке!

ТАНЯ. Нет, ты всё-таки напился! Признайся, а? Ты же напился, как свинья!

МИХАИЛ. Опять двадцать пять. И почему ты всегда думаешь о самом плохом?

ТАНЯ. Потому что я к этому привыкла! От тебя никогда не ждёшь ничего хорошего! Никогда и ничего!

МИХАИЛ. Неправда! Я вчера посуду вымыл. Это что – не считается?

ТАНЯ. Ненавижу, когда ты паясничаешь! Всё шутикуешь и шутикуешь! Шуточки твои дурацкие, знаешь уже где сидят?!

МИХАИЛ. Даже представить не могу! Расскажешь?

ТАНЯ. Нам жрать нечего! За кредит не плачено. За квартиру за полгода должны, а он капусту шинкует! Тебе всё хи-хи да ха-ха, а к нам скоро приставы судебные заявятся!

МИХАИЛ. Уже.

ТАНЯ. Что – уже?

МИХАИЛ. Уже приходили.

ТАНЯ. Когда?

МИХАИЛ. Да вот, с утра пораньше заявили. В такую рань все приличные люди спят ещё, а эти уже работают. Ничего не стесняются, представляешь? В восемь утра припёрлись. Звонят, звонят. Я и открывать не хотел, да они дверь ломать начали.

ТАНЯ. И что? Что ты им сказал?

МИХАИЛ. А что я им скажу?

ТАНЯ. Что мы заплатим.

МИХАИЛ. А я и сказал. А они сказали, что поздняк метаться – платить надо было раньше.

ТАНЯ. И что?

МИХАИЛ. Как что? Как видишь! Забрали всё самое дорогое. В счёт погашения долга.

ТАНЯ (*оглядывается*). Что? Что они забрали?

МИХАИЛ. Говорю же – самое дорогое. Телевизор, микроволновку и кота.

ТАНЯ. Как телевизор? Как ты им отдал? Что ты несёшь?

МИХАИЛ. А что я должен был? Грудью лечь на амбразуру? Харакири сделать? Да и фиг с ним, с телевизором! Зато тише будет. А вот кота с микроволновкой жалко.

ТАНЯ. Да ты гонишь! Гонишь! Какой кот? Зачем им кот? На коте ты и спалился! Ты просто пропил всё! Пропил! А про приставов придумал! Просто чтоб меня позлить. Дай понюхаю! Дай сюда морду. Ну!

МИХАИЛ (*уворачивается, говорит сначала шёпотом, потом всё громче*). Маленький мой, я уже три года не пью. Ты вспомни. Что ты такое говоришь? Три года ни капли в рот не беру! Что у тебя за синдром бывшей жены алкоголика? Что ты заладила – пропил,

пропил. Я тебе человеческим языком объясняю: утром приставы приходили, вещи забрали. Конфисковали. В счёт погашения долга. И кота тоже забрали. Ведь он наполовину британец. Они сразу увидели, что порода в нём есть. Это такой психологический принцип. Давление на совесть. Ведь вещи – что? Тьфу! А кот – он живой. Они же понимают, что хозяева за кота горы свернуть могут. У них приют специальный есть. Для конфискованных домашних питомцев. Сорок дней дают, чтобы долги погасить. Тогда возвращают. Но я всё исправлю, поняла? Я всё устрою! Я уже придумал, всё решил. Только мне придётся уехать. Надолго уехать, понимаешь?!

ТАНЯ. Ты ноль, Миша! Ты хоть понимаешь, что ты – полный ноль! Говорила мне мама, предупреждала! Не ходи, говорит, за него. У него фамилия дурацкая. Что это за фамилия такая? Шноль? Ведь по-нашему это ровно то и значит. Ноль без палочки. Миша! Ты полный ноль. Ты банкрот, понимаешь? Даже телевизор забрали. Почему они комп твой дебильный не забрали? А? Ведь комп – он ценнее? По любому ценнее!

МИХАИЛ. Устаревшая модель. Можно сказать, антиквариат. Сказали – нам такой не продать. Разве что в музей вычислительной техники.

ТАНЯ. Это всё ты! Ты виноват! Ты мне всю жизнь испоганил! Ты меня... обнулил!

МИХАИЛ. Чего я с тобой сделал? Да ты даже фамилию свою оставила! Обнулил! Тебя обнулишь, пожалуй! Как была Колобкова, Колобковой и осталась! Побрезговала! Фамилию она свою оставила. А теперь – "обнулил"?

ТАНЯ. Именно! Именно обнулил! Мы же никто! У нас даже телевизор из дома вынесли! Лучше бы они тебя забрали. В вечное рабство. Хотя какой от тебя толк! Ты же семью прокормить не можешь! Больше года ни на одном месте не работал. То ему не так, это ему не так. Тот дурак. Этот дурак. Все у тебя дураки и сволочи, один ты умный. Да у тебя на лице написано – ничтожество! Даже приставы это поняли! Вот кот – это другое дело. Кот – это ценность! Его реализовать можно, да? У него порода. А ты ноль беспородный! Ты ничто! Ты вакуум!

МИХАИЛ. Я тебе объясняю. Я всё исправлю, малыш! Открылась вакансия. Такие вакансии раз в сто лет появляются. Я уже резюме отправил. На завтра собеседование назначено. Работа за границей. И не пыльная работа, понимаешь? Плёвая! За пару лет я столько заработаю, что нам до пенсии хватит! И парням хватит. И внукам ещё останется. Да я тебе сто телевизоров куплю! Пару лет, и мы уедем, уедем отсюда. Куда хочешь. Вот ткни пальцем в карту – туда и уедем. Попросим климатического убежища. Мне бы только должность эту получить. И тогда весь мир перед нами, понимаешь? Как на ладони. Выход – он же должен быть. Не можем же мы всю жизнь, вот так. Как тараканы. Мы как белые люди заживём. Мы себя человеками почувствуем. Это реальный шанс.

ТАНЯ. Ты все, все свои шансы давно в унитаз спустил! Я каждый раз только и слышу – потерпи ещё чуток, это реальный шанс! Такой раз в жизни выпадает! Нет у тебя никаких шансов, Миша! Нет у тебя никаких шансов! Я тебе сейчас, на берегу скажу, чем эта твоя авантюра кончится! Вакансия! Сколько мы таких вакансий слышали? Ты все, все их спустил, потому что ты ноль. И меня с детьми обнулил. Климатическое убежище он просить собрался! Лучше бы ты место на кладбище забронировал. Сразу, для всех. Оптом дешевле. Нам теперь только на кладбище. Ведь это не жизнь! Это же подобие жизни! Даже телевизор вынесли. Это же людям рассказать смешно.

МИХАИЛ. Дался тебе этот телевизор! Как ты не понимаешь?! В этот раз всё будет по-другому? Всё будет по-другому! Я получу это место. Уеду. Год-другой поработаю. И всё! Весь мир перед нами, слышишь!

ТАНЯ. Наслушалась уже! Хватит! Хватит с меня твоих фантазий! Понял? Кончилось моё терпение. Завтра же подаю на развод, а ты езжай, куда хочешь. Хоть на границу, хоть за границу. Только меня с детьми в это не впутывай. Впуталась уже! На всю жизнь вляпалась! Надо же быть такой дурой. Столько лет всё ждать, ждать! Надоело, Миша! Слышишь?! Надоело! Не могу больше! Ни дня больше не могу! Собирай манатки и проваливай! Чтоб я тебя больше не видела! Вернусь через час, чтоб духу твоего здесь не было! Чтоб абсолютный ноль! Ни пылинки от тебя. Ни напоминания. Как будто не было. И ключи не забудь оставить. Я ещё могу начать всё с начала! Без тебя у меня появятся шансы.

Хватает сумку с кресла, идёт в коридор, надевает туфли.

МИХАИЛ. Дура ты, Колобкова! Дура бестолковая! Я от бабушки ушёл, я от дедушки ушёл.

Слышно, как с грохотом захлопнулась за Татьяной входная дверь.

МИХАИЛ. (*кричит вслед*). Колобок, колобок, я тебя съем! Кому ты нужна?! Никому ты не нужна! Нет у тебя никаких шансов!

2.

На одной из не самых центральных улиц города N стоит старая трёхэтажная "сталинка", которую "прокачали" до версии "Офисный центр". Хотя никакой, конечно, это не офисный центр – так, обычная бывшая коммуналка, где скупчили все квартиры, поставили в холле первого этажа кофемашину, посадили охранника на входе, добавили стекла и пластика и теперь сдают, сдирая втридорога, тем, кто приторговывает косметикой международных фирм, выдаёт микрозаймы, оказывает коллекторские услуги и вообще занимается всем, что может принести хоть какой-то доходец.

На одном из этажей – дверь с вывеской "Job. Incorporated". И ниже – "Региональное представительство Международного бюро по подбору и найму персонала". И ещё ниже – "Генеральный директор С.Ф. Прутков". Вдоль стены возле двери офиса – ряд соединённых между собой кресел. Такие ещё и сегодня можно встретить в старых домах культуры или сельских библиотеках, правда, всё реже и реже, так что, можно сказать, это настоящее ретро.

На креслах сидят Бивень, Волдырь и Михаил.

ВОЛДЫРЬ. Долгонько что-то.

Пауза. Все молчат.

ВОЛДЫРЬ. И чего она нерасторопная такая? Нельзя что ли сразу всем анкеты выдать?

Молчание.

ВОЛДЫРЬ. Нет, ну ведь быстрее бы было, а? Быстрее бы, я говорю. (*Бивню*). Чего в анкете спрашивали?

БИВЕНЬ. Чего?

ВОЛДЫРЬ. Чего, говорю, в анкете спрашивали?

БИВЕНЬ. А. Ну, где работал там, какое образование.

ВОЛДЫРЬ. Зачем?

БИВЕНЬ. Ну, как? Затем.

ВОЛДЫРЬ. Так ведь в требованиях было указано только владение холодным оружием. И всё! Только одно требование у них! А чего тогда выпрашивают? Чего нос суют? Нечисто что-то. Носом чую – нечисто. (*Михаилу.*) Вот ты как считаешь? Ведь нечисто? Зачем они выпрашивают?

МИХАИЛ. Ну, чтоб удостовериться, я не знаю.

ВОЛДЫРЬ. В чём? Что я шашкой махать умею? Дурь всё это. Финтят они. (*Бивню.*) Ты им чего написал?

БИВЕНЬ. А чего написал?

ВОЛДЫРЬ. Ну, в анкете. Спрашивали про работу. Ты им что написал?

БИВЕНЬ. Ну, то и написал. Как было, всё и указал.

ВОЛДЫРЬ. Вот я и спрашиваю – что ты им написал?

БИВЕНЬ. Ну, служил. Ну, потом в охрану устроился.

ВОЛДЫРЬ. Ага, в охрану. И ты, значит, решил, что кишка у тебя не тонка? Что вот так – вжик, и работу получил, да?

БИВЕНЬ. Ну.

ВОЛДЫРЬ. Баранки гну! Что ты занукал? Мне кажется, не подойдёшь ты им. Молод ещё.

МИХАИЛ. Там про возраст в объявлении ничего не было.

ВОЛДЫРЬ. Так там и про образование не было. А в анкете выпрашивают! Вот! Ясный, наглядный пример! Я же носом чую – что-то тут не то. Нечисто то есть.

МИХАИЛ. Что вы демагогию разводите – чисто, не чисто. Ясно-понятно – не чисто! Своеобразная ведь работка, а? Не каждый ведь пойдёт, согласитесь. Условия приличные, а нас тут всего трое. Не пришёл больше никто. А почему? Потому что руки-то чистыми после такого не останутся. Вот вам и кажется, что не чисто. Только на самом деле, это не кажется, а так и есть. Вот они и хотят удостовериться, так сказать. Убедиться пытаются.

ВОЛДЫРЬ. А чего убеждаются? Через анкету убеждаются? Тут делом, делом доказать надо. А то бумажки им заполняй, всё про себя расскажи, ага. (*Бивню.*) Слушай, тебя как вызовут, ты всё запоминай. Что спрашивали, как там обстановка и всё такое. Выйдешь – доложишь. Ясно?

БИВЕНЬ. Да-да, я всё понял.

ВОЛДЫРЬ. Понял он! Ни черта ты не понял! Выйдешь оттуда, пойдём, как будто перекурить, и всё расскажешь нам.

БИВЕНЬ. Ну.

ВОЛДЫРЬ. Чего ты нукаешь? Не запряг!

БИВЕНЬ. Да понял я, понял.

ВОЛДЫРЬ. Так-то! Мне эту работу позарез получить надо! До пенсии чуть осталось, пора уже думать о будущем. Соломку, так сказать, подстелить. Свой стабфонд завести.

БИВЕНЬ. Спанбонд?

ВОЛДЫРЬ. Сам ты спандбонд! Стабфонд говорю. Буфер безопасности. Сечёшь? Ты-то ещё зелёный пока, ты всё успеешь. И не возьмут – невелика беда. А мне уже пора. Ну, то есть не совсем пора, не в том смысле, чтобы совсем, но ведь годы, годы. Они, так сказать, берут своё. Вот и надо отложить что-то, скопить.

МИХАИЛ. Да вам же уже не по статусу, а? Не по возрасту работёнка, нет?

ВОЛДЫРЬ. Много ты понимаешь! Не по возрасту! Да я, можно сказать, мужчина в самом расцвете сил! На мне ещё пахать можно! А солидность? Что ты про это скажешь? Ведь на

такую работу человек солидный нужен. Представительный. Чтобы всё, как следует, а не абы как, не швых-вжих. Что эта молодёжь может? Ничего она не может, вот что я тебе скажу. Ты посмотри на него! Ни кожи, ни рожи! Охранник он! Да из него такой же охранник, как из меня балерина!

БИВЕНЬ. Чего балерина-то сразу?

ВОЛДЫРЬ. Во! Обиделся! Глянь! Обиделся! И не понял ни черта, а обиделся. Вот и вся молодёжь так – чуть что не по их, чуть против шёрстки – и всё, сразу бычат. В непонятки уходят. Нет, тут человек другой нужен. Не такого пошиба птица.

МИХАИЛ. Да они же пишут, что большой набор открыт, что восемь человек требуется. Что вы тут харахоритесь? Всех возьмут. Кто по состоянию здоровья будет годен. У кого сердечко не шалит, давление не скачет и всё такое. Ну, вы понимаете.

БИВЕНЬ. Да-да, я всё понял!

ВОЛДЫРЬ. Чего ты понял? Чо ты понял? Ну вообще! Нет, это же беспредел тут! Да вы как со мной разговариваете? Да я вам в отцы гожусь!

МИХАИЛ. Не кипешите, папаша!

Дверь открывается. Из офиса выходит Рита.

РИТА (Бивню). Так, вас просят проходить на собеседование. А вы (*передает Волдырю планшет с ручкой и бумагой*) заполните пока анкету.

Бивень встаёт, топчется.

ВОЛДЫРЬ. Э! Пацан! Ты всё понял? Тебя спрашиваю! Вышел – доложил!

РИТА. Тише! Что вы шумите? Прошу перед офисом соблюдать порядок и тишину! Вопросы, помеченные звёздочкой, считаются обязательными. На остальные необходимо дать по возможности исчерпывающие ответы. Исправления не допускаются.

Бивень и Рита заходят в офис.

ВОЛДЫРЬ. Эй! Секунду! Э!

Дверь закрывается.

ВОЛДЫРЬ. Ну вот, вот! Вот что теперь? (*Михаилу*). Всё ты! И чего ты за него впрягся, а? Он тебе что? Сын, брат, сват? Ты с ним детей крестить собрался? Чего ты полез? Как заноза, а? Как мыло хозяйственное? Вот как я теперь в их глазах выгляжу? А? Я из-за тебя репутационный ущерб понёс, сечёшь? Ну, что молчишь? Что ты мне предлагаешь? Как ты мне компенсируешь? Ну?

МИХАИЛ. Да я... Вы чего от меня хотите, папаша?

ВОЛДЫРЬ. Я тебе не папаша! Нашёл, тоже мне, папашу!

МИХАИЛ. Короче...

ВОЛДЫРЬ. У кого короче – тот дома сидит! Вот тебе бабло, быстро стогнал за угол. Там опохмелочная есть. Поллитру и сигарет. Сечёшь?

МИХАИЛ. Мальчика нашли?

ВОЛДЫРЬ. Мальчика, не мальчика, а мне успокоится надо. Я же следующий. Тебе ещё через одного, ты успеешь, а мне с мыслью собраться. И анкету ещё. А, чёрт! Мне очень, понимаешь, очень нужна эта работа. Я ж говорю, стабфонд нужен. Время, время оно

летит. Мчится оно, понимаешь? Кажется, только двадцать было, хоп, и уже за полтос. Ну, что тупишь? Давай, мухой! Пулей! И тебе ещё останется, если тормозить не будешь. Ну?

МИХАИЛ (*встаёт, собирается идти*). А алкоголиков на такую работу не берут.

ВОЛДЫРЬ. На такую работу дебилов не берут! Но ведь ты не дебил, нет? Если не дебил, сбегашь по быстрому, и мы ещё по пийсят успеем. Ну!

МИХАИЛ. Баранки гну!

ВОЛДЫРЬ (*улыбается*). А ты ничего, сообразительный! Быстро учишься! Далек пойдёшь! Если тормозить не будешь, как некоторые. Вот возьмут нас, сработаемся! Напарниками будем, а?! Прикинь! Напарниками будем!

Улыбаются, хмыкают, начинают смеяться.

МИХАИЛ. По несчастью, да? Напарниками по несчастью!

Хохочут.

ВОЛДЫРЬ. А там не бывает по несчастью! Там только по счастью напарники! А?!

МИХАИЛ. Ага, там только везунчики!

ВОЛДЫРЬ. Ну, кроме тех, кто нашими подопечными будет, да? Кроме них, да? Им-то не позавидуешь!

МИХАИЛ. Нет! Это нам, нам все завидовать будут!

ВОЛДЫРЬ. Чёрной, такой чёрной завистью, да?!

МИХАИЛ. Как гудрон! Как нефть!

ВОЛДЫРЬ. Как нефть! Ой, не могу! Ну, ты загнул! Как нефть!

МИХАИЛ. Там нефти много, там очень много нефти и бабла! Я в интернете смотрел.

ВОЛДЫРЬ. Главное, чтоб работа, чтоб работа была!

МИХАИЛ. Будет, будет нам работа! Много, много работы!

ВОЛДЫРЬ (*ржёт*). Аж руки устанут, прикинь?! Чтоб у нас руки от этой работы отваливались!

МИХАИЛ (*вдруг серьёзно*). А злые мы с тобой, а? Злые мы.

ВОЛДЫРЬ. Ты только не загоняйся. Просто сгоняй по-быстрому. И ни о чём не думай. На месте разберёмся. Понял? Ну! Туда-обратно! Пулей!

3.

Офис. За столом, на котором красуется большой глобус, сидит Серёга. Он же – Сергей Фёдорович. Теперь в нём ни за что не узнаешь того парня с вокзала, в одних шортах и шлёпках, оставшего от поезда. На нём солидный костюм, галстук. И вообще – выглядит он почти представительно. По-крайней мере, для города N.

На стене за его спиной развешены рамки с какими-то лицензиями, дипломы, сертификаты и давно ставший непременным атрибутом любой конторы – от офиса оптового торговца рыбой до охранного агентства и нотариуса – портрет первого лица государства.

Рита, одетая в строгий офисный костюм, расставляет на подоконниках и полках флажки самых разных государств. Такие продают по дешевке на любом рынке.

СЕРГЕЙ ФЁДОРОВИЧ. Лапочка, сделай мне кофе.

РИТА. Одну минутку!

СЕРГЕЙ ФЁДОРОВИЧ. "Одну минутку!". А у тебя хорошо получается, Ритусик!

РИТА. Я стараюсь, Сергей Фёдорович.

СЕРГЕЙ ФЁДОРОВИЧ. Старайся! Старайся, Ритусик! И ты обязательно увидишь свой Рио! Или Париж! Или о чём ты там гредишь на своём отделении сервиса и туризма.

РИТА (*улыбается*). В Москву! В Москву!

СЕРГЕЙ ФЁДОРОВИЧ. О! Да мы просто блещем интеллектом! Такая хорошенькая, такая умненькая. Далек пойдёшь! А с нашей записью в трудовой перед тобой откроются любые двери.

РИТА. Ой, Сергей Фёдорович, я как раз хотела уточнить... А как вы точно меня оформили? Как назвали должность?

СЕРГЕЙ ФЁДОРОВИЧ. Солнышко! Лапочка! Ну, к чему эти формальности? Я тебе всецело доверяю. Вот как тебе лучше – так и запиши. Ты же у нас курируешь делопроизводство. Хочешь, запиши – "Личный секретарь генерального директора". Или, я не знаю, главный менеджер по работе с клиентами. Завтра вот принесут печать, и всё нарисуем в лучшем виде!

РИТА. Хорошо бы написать, что это региональное представительство международной компании. Ведь это важно, правда?

СЕРГЕЙ ФЁДОРОВИЧ. Правда, Ритусик, правда. Одна такая запись десяти других стоит. Это ж выход на иной уровень. Статус, престиж, опыт, сама понимать должна.

РИТА. А какова численность сотрудников в вашей компании? Я имею ввиду там, в центральном офисе.

СЕРГЕЙ ФЁДОРОВИЧ. "Численность сотрудников" – ты прямо удивляешь меня!

РИТА. Ну, мне просто интересно.

СЕРГЕЙ ФЁДОРОВИЧ. Меньше вопросов, Ритусик! Меньше вопросов.

РИТА. Ну, мне же правда интересно! Да и потом, если меня клиенты начнут спрашивать, я же должна что-то отвечать.

СЕРГЕЙ ФЁДОРОВИЧ. Всё, что ты им должна говорить, мы уже обсудили, помнишь? Вот и держись нашей легенды. В смысле, идеологии. Корпоративной.

РИТА. Я так и делаю, Сергей Фёдорович! Просто я, ну, как сотрудник компании, должна знать больше, чем наши клиенты, правда? А что, ваше международное бюро взаправду набирает... Ну, вы понимаете...

СЕРГЕЙ ФЁДОРОВИЧ. Так. Я не понял! Что значит – взаправду? Это что за постановка вопроса? Все предельно серьёзно. Мы выиграли тендер. Участвовали в конкурсе. На него подали заявки все крупнейшие агентства по найму. Весь топ-лист! Ну и, понимаешь, у нас же всё на высшем уровне. Все требования и соответствия. Стандарты. Всё! Было, конечно, непросто, нам всем пришлось, что уж скрывать, попотеть, но мы взяли этот заказ! Мы его получили! Корпоративно отмечали эту сделку в таком ресторане, про который даже в газетах не пишут. Виайпи-вийапи уровень.

РИТА. Ой, мамочки! Как бы и я хотела! Даже представить себе не могу! Просто вау!

СЕРГЕЙ ФЁДОРОВИЧ. Знаешь, иногда и Золушки попадают на бал! Вот провернём... То есть я хотел сказать, отработаем этот спецпроект, и все руководители региональных представительств будут отправлять на утверждение списки тех, чей личный вклад в общее дело, достаточно высок, чтобы отметить их поездкой на корпоративный курорт в качестве премии. Три дня, четыре ночи. Всё включено! Поняла, Ритусик, что это значит? Улавливаешь? Здесь списки буду составлять я, так что постарайся, как следует. Кто-то недавно грозился мне кофе сварить.

РИТА. Вы хотели сказать – заварить.

СЕРГЕЙ ФЁДОРОВИЧ. Тьфу! Никак не привыкну! Такая мерзость, слов нет! И что они тянут с этой кофемашиной. У вас тут все так работают? Никаких стандартов! Никакого представления о сервисе. Мы оформили заказ два дня назад. И где? Где моя кофемашина? Ведь эту бурду невозможно пить. Так, ладно... Не заводжусь! А то я так психану, что напишу претензию им в центральный офис. Кстати, ты продлила наше объявление в газете?

РИТА. Вчера ещё. Как вы и просили, ещё на неделю. До двадцатого.

СЕРГЕЙ ФЁДОРОВИЧ. Ай, хорошо, моя девочка! То, что надо. И не забудь подтверждать актуальность вакансии на всех сайтах. Что-то я не вижу очередей перед офисом!

РИТА. Очень уж должность специфическая... Не каждый день такую вакансию встретишь. Может, конечно, у вас в Москве, это и обычное дело, но у нас как-то, знаете...

СЕРГЕЙ ФЁДОРОВИЧ. Дура ты, Рита! Главное, что она прибыльная, а уж специфическая или нет – не суть важно. Не суть важно, Ритусик! Если человеку деньги нужны, он на всё пойдёт, понимаешь, на всё!

РИТА. Ну, не знаю, я бы не смогла вот так просто...

СЕРГЕЙ ФЁДОРОВИЧ. А кто сказал, что это просто? Это не просто! Было бы просто, арабы бы не обратились в наше международное бюро. И теперь мы обязаны закрыть эту вакансию. В кратчайшие сроки. Каждый день просрочки влетит нам в такие пенни, что до конца жизни не расплатимся. Условия по нашему контракту просто железобетонные. Поэтому, зайка, ты уж сделай так, чтоб весь ваш город знал про эту вакансию. Ты улавливаешь мою мысль? Ну, тогда шевели ляжками! Шевели!

В офис входит Аскер. Он в деловом костюме и арафатке.

АСКЕР (*он теперь говорит с лёгким акцентом*). Легче! Легче! Саламалейкум, красавица! (*Отвешивает Рите изящный поклон.*) Этот господин вас обижает, о цветок моего сердца? Ай-ай-ай! Как нехорошо! Я в печали!

РИТА. Нет, нет! Ну что вы! Это... рабочий момент. Я вас сейчас оставлю.

СЕРГЕЙ ФЁДОРОВИЧ. И кофе, Ритусик! Сделай нам с этим... господином кофе. И сигары подай, лапочка моя! Ну!

РИТА (*выходит*). Да, да, одну секунду!

СЕРГЕЙ ФЁДОРОВИЧ (*Аскеру*). Одну секунду! Видишь, как ускорилась! Такие клуши без пинка не умеют, о мой господин! Не построишь – не подоишь! Ты чего тут зоопарк устраиваешь. Не переигрываешь, нет?

АСКЕР. Легче! Легче! Это для веры в предлагаемые обстоятельства, как ты это называешь.

СЕРГЕЙ ФЁДОРОВИЧ. Слушай, ты, умник! Ты мне так всю малину обломаешь! Ты что – в таком наряде по городу гуляешь? Ты же спалишь нас!

АСКЕР. Вай-вай! Мой напарник мне не доверяет! Вот, сейчас только перед дверью одел. По городу... Тут по городу с моей внешностью лучше тёмной ночью ходить. Один фиг, фонарей нет. А днём такие рожи кругом. Так идёшь и думаешь, что сейчас по фейсу от любого получишь. Три раза хачом назвали, четыре – черножопой обезьяной, два раза чёрным и ещё один сопляк джумшутом обозвал. Туши свет – бросай гранату! Дикий край! Дикие люди!

СЕРГЕЙ ФЁДОРОВИЧ. Они просто непосредственные очень. Что думают – то и говорят. Это у нас, типа, что у трезвого на уме, у пьяного на языке. Этикет, терпимость и все дела. А тут всё проще! Лепи всё подряд и сойдёшь за своего в доску.

АСКЕР. Или, как вариант, весь город под мухой двадцать четыре часа в сутки.

СЕРГЕЙ ФЁДОРОВИЧ. "Под мухой"! Эк тебя! Такому тебя в МГИМО, небось, не учили! АСКЕР. Нас там многому, Серёжа, учили. Слишком многому, поверь мне. Это тебе не твой театральный.

СЕРГЕЙ ФЁДОРОВИЧ. Да что ты мне всё тычешь моим театральным?! Я его и не закончил даже, так что это не считается.

АСКЕР. Не верю, как говорил твой кумир Константин Сергеевич! Не верю! Если уж ты пошёл по этой кривой дорожке, то уже не свернёшь. Посмотри на себя – паяц! Клоун!

СЕРГЕЙ ФЁДОРОВИЧ. Сам ты клоун! Посмотри на свой тюрбан.

АСКЕР. Сам ты тюрбан! Это же настоящая арафатка. Я полгорода сегодня оббегал, чтобы изобразить что-то приличное на голове.

СЕРГЕЙ ФЁДОРОВИЧ. Тюрбан, арафатка - мне по боку, если она поможет нам выпутаться из этой авантюры.

АСКЕР. Ну, так уж и авантюры. И не такое проделывали.

СЕРГЕЙ ФЁДОРОВИЧ. Но не с такими тюленями! Ты бы видел, что к нам приходит. Мрак! Ужас! Катастрофа! Инвалид на инвалиде сидит и инвалидом погоняет. На всю голову... инвалиды. Один женился недавно. Естественно, по залёту. Ипотеку взяли. А родители помогать отказались. И правильно сделали! Я б на их месте его ещё в детстве в детдом сдал. Ты не представляешь – такой телёнок, вот куда поведут, туда и прётся. Жена объяву нашу в газете увидела. Иди, говорит. Ты ж служил, работаешь в охране. Бабки позарез нужны. Но ведь он комара убьёт – вздрогнет. Тюлень! И в глазах что-то тюленье. Покорность такая, нездоровая просто. Двух слов связать не может.

АСКЕР. Так ведь это то, что нам надо, Серёжа! То, что надо! Вопросов лишних не будет. Нам бы таких телят штук пяток – и мы в такой плюс выйдем.

СЕРГЕЙ ФЁДОРОВИЧ. Ага, прям в плюс! Офис, расходы представительские, да вон эта клуша ещё. Аванс ей выдал, а то вопросов задаёт много. Тут копейка, там копейка. Скоро на мель сядем.

АСКЕР. Легче! Легче! Не паникуй. Ты уже удочку кому-нибудь закинул?

СЕРГЕЙ ФЁДОРОВИЧ. Да, была тут парочка. Их разведём на раз-два. Один без пяти минут пенсионер. Всю жизнь мясником проработал на оптовке. Он за такую работу глотку перегрызть готов. Глаз горит, энтузиазм прёт. Очень уж хочется красивой жизни на склоне лет. Прикинь, притащил с собой свой нож мясницкий. Я, говорит, делом готов доказать свою профпригодность. На практике, так сказать, продемонстрировать. Ну, я ему намекнул, что, вроде как, всё это хорошо, конечно, но, типа, соискателей много, выбор предстоит серьёзный и всё такое. Он, кажется, сообразил, что к чему. Надо брать горяченьким. А второй – ну, просто неудачник по жизни. С ним вообще проблем не будет. Такой, знаешь, лошок. И фамилия у него – закачаешься! Шноль! Вот он именно, что шноль и есть. Ноль без палочки.

АСКЕР. С нуля много не поймешь.

СЕРГЕЙ ФЁДОРОВИЧ. Это, смотря как обработать. И с кем рядом поставить. Если перед ним единичку вклеить – уже десяточка. Так что ты уж постарайся, дружок!

АСКЕР. Вай, дорогой гаспадин! Ты, кажется, нэ доверяешь мне? Ты видел, как твоя Рио-Рита просто тает под моим восточным взглядом? Второй раз в жизни видит, а уже готова ко мне в гарем поступить на любых условиях. Вот это и называется у вас "вжиться в роль" или "войти в образ". Я же для неё просто нефтяной принц! Не думаю, что твои клиенты намного её проницательнее. А вот ты не облажайся, Серёжа. По соточке с каждого слупить надо. И на большую землю.

СЕРГЕЙ ФЁДОРОВИЧ. Собеседование они прошли. Тестирование у нас назначено на завтра. Вот, после него и подоим.

АСКЕР. Легче, легче, напарник! Мы же хотели после (*Проводит рукой по горлу.*) испытания.

СЕРГЕЙ ФЁДОРОВИЧ. Я думал, Аскер, много думал. Тут главное, не ошибиться. Не вспугнуть. Если деньги брать после – испугаться могут. Решат, что мы с их бабками срулим. Это уж совсем тёплым надо быть, чтобы напоследок деньги отдать. С баблом расставаться легче, когда в тебе ещё горит надежда, когда ты ждёшь золотого дождя с неба. Если мы после тестирования дойку начнём, они будут верить, что мы за их копеечку им на испытании протекцию составим, сечёшь? Они же мне, как отцу родному, верить начнут.

АСКЕР. Здесь отцу родному за бутылку "Столичной" голову размозжить могут.

СЕРГЕЙ ФЁДОРОВИЧ. Начитался местной прессы! Нет в тебе, Аскер, веры в хорошее. А в хорошее надо верить!

АСКЕР. Я в золотого телёнка верю. В людские пороки. И в свои мозги.

СЕРГЕЙ ФЁДОРОВИЧ. Ну, если они у тебя действительно есть, тогда ты должен согласишься, что самое оно – после тестирования бабки срубить. Потом устроим им испытание. И гудбай, Америка, о! Билеты у нас уже на руках. Сольёмся по тихому. Ты, главное, произведи на них должное впечатление. И не светись в городе, я тебя умоляю!

АСКЕР. Не учи, напарник! Всё будет в шоколаде!

Стук в дверь.

СЕРГЕЙ ФЁДОРОВИЧ. Да-да!

Входит Рита. В руках у неё поднос, на котором две чашки кофе.

АСКЕР. Правда, красавица? Скажи своему боссу, что всё у нас будет в шоколаде!

РИТА (*смотрит на Аскера, на Серёгу, улыбается, сияет*). Я в этом просто не сомневаюсь!

АСКЕР. Золотая у вас, Сергей Фёдорович, Риточка! Просто золотая! Берегите её, розу моего сердца!

Встаёт, собирается уходить.

СЕРГЕЙ ФЁДОРОВИЧ (*язвительно*). Как прикажете, мой господин! Как прикажете! Желание дорогого гостя – для нас закон! Ма-с-сала-мэ, Аскер ибн Дауд! Ма-с-сала-мэ!

Аскер широко улыбается, кланяется, подмигивает Риточке, уходит.

СЕРГЕЙ ФЁДОРОВИЧ. Чего ты вылупилась на нашего дорогого гостя, солнце моё?! Смотри, ослепнешь! Ты бы лучше порадовала меня. Сколько у нас ещё на сегодня записано?

РИТА. Сегодня двое. На шестнадцать и на шестнадцать тридцать.

СЕРГЕЙ ФЁДОРОВИЧ. Мало, Ритусик, мало! Шевелится надо, Ритусик. Движение – это жизнь!

РИТА (*надула губки*). Я стараюсь, Сергей Фёдорович!

СЕРГЕЙ ФЁДОРОВИЧ. Старайся, ой, старайся, Ритусик! Иначе никаких тебе – "В Москву! В Москву!" Так и проторчишь здесь до пенсии на пару с мужем-алкашом и сыном-дебилем. Иди уже! Работай! Свет очей моих...

Рита уходит. Закрывает за собой дверь.

СЕРГЕЙ ФЁДОРОВИЧ. Вот корова! С такой каши не сварить. Вот что за люди, а? Ты им счастье на блюдечке, можно сказать, приносишь, им бы прыгать от счастья, а они себя от стула оторвать не могут. Ну, хоть чуть-чуть пошевелиться. Нет! Они только мечтают о красивой жизни. Что вот ещё чуть-чуть и будет у них свой дом, машина и заграница два раза в год. Только и делают, что жалуются на жизнь, ноют и ждут, что вот оно, счастье, свалится им на голову, а что его просто так не заработаешь, не понимают. Не понимают! Тюлени! Да чтоб всё в шоколаде было, надо с утра до ночи теребонькаться, крутиться, как уж на сковородке. Не думать лишнего и не останавливаться. Все вперёд и вперёд. По камушку, по кирпичику, по досточке. А иногда и по косточкам. По косточкам. Потому что его не так много в мире, счастья-то. И чтоб своё получить, у кого-то его надо забрать. Тут капелюшечку, там мизерчик, и вот оно, у тебя. Полная чаша. Главное, не расплескать, когда в руках окажется. Не споткнуться на ровном месте. Вот в чём фокус. Вот в чём загвоздка – чтобы бежать со всех ног с полной чашей и не рухнуть со всей дури. Один раз упадёшь – всю жизнь бояться будешь. А бояться нельзя. Запрещено. Нельзя бояться и оглядываться назад. Иначе уже никогда никуда не придёшь. Так и будешь валяться тюленем. Так и подохнешь. Безвольным, напуганным, старым тюленем.

4.

Детская площадка возле многоэтажки. Все ребятишки уже разошлись по домам. Почти стемнело. В доме по одному начинают зажигаться окна. Слышен шум трассы и ветра. На скамейке сидят Михаил и Саша. На земле стоят пустые бутылки из-под пива.

МИХАИЛ. Ещё по одной?

САША. А, давай! Сто тыщ лет, кажется, пива не пила. Даже забыла, что это такое.

Миша достаёт из пакета бутылку, открывает зажигалкой пиво, протягивает одну бутылку Саше, другую оставляет себе.

МИХАИЛ. Пиво – это хорошо. Я иногда позволяю себе по одной. Втихаря, чтоб Таня не знала. А то она психует.

САША. А мы в редакции всё больше водочкой или коньячком балуемся. Когда повод есть. Правда, в наших широтах повод найти не проблема, было бы желание. Так, конечно, и спиться не долго, поэтому я через раз. Раз поддержу, раз – воздержусь. Вроде и форму не теряю, и от коллектива не отрываюсь, но меру знаю. Это у нас, знаешь, вроде особенности профессии. Профессиональный риск.

МИХАИЛ. Слушай, Саша... Я тебя хотел спросить.

САША. Вообще, задавать вопросы – мой конёк.

МИХАИЛ. Я серьёзно!

САША. Ну, если вопрос не очень провокационный, то спрашивай.

МИХАИЛ. А почему ты всё-таки... пришла?

САША. Не знаю.

МИХАИЛ. Врёшь! Ты всегда всё знаешь. Ты же у нас отличница. С первого класса!

САША. Это было давно и неправда.

МИХАИЛ. Правда. Ты, Сашка, всегда была и будешь отличница. Всё у тебя, как надо.

САША. Как надо? Ты это называешь, как надо? Мужа нет, детей нет. И уже никогда не будет. Живу с собакой. На выходные к маме езжу. Странные у тебя представления о том, как надо!

МИХАИЛ. Зато ты стала тем, кем всегда мечтала. Это же счастье, Сашка! Когда идёшь к мечте, за мечтой, и в конце-концов приходишь.

САША. Всё в конечном итоге оказывается не тем, чем кажется издали. Мечтала стать международником. А стала кем? Выпускающим редактором в районной бесплатке. В эту газету даже рыбу заворачивать стрёмно.

МИХАИЛ. Причём тут рыба! Ты всегда знала, чего хочешь. И добила своё. Вот за что тебя люблю, Сашка, так это за упрямство твоё.

САША. Не говори так больше. Я тебя очень прошу. Никогда так больше не говори. Слышишь?!

МИХАИЛ. Да я же правду!

САША. Правду он! (*Передразнивает.*) "Вот за что тебя люблю"... (*Пауза.*) Так просто. Так смешно. Люблю. Какое хорошее слово, Миша. Да ты, сволочь, даже не знаешь... как долго я мечтала, чтобы ты мне его сказал. Именно ты. И именно это слово. Ночами не спала. Годами, Миша, годами ждала. Я готова была всё отдать, чтобы ты мне один-единственный раз его сказал. И мне бы больше ничего в этой жизни не надо было. И вот ты его сказал, пусть вскользь, пусть без всякого смысла, но ведь сказал! А мне уже всё равно. Миша, Миша! Ну почему всё всегда так не вовремя? Так дебильно. Так тупо. Сидим, взрослые люди, пьем пиво, жрём чипсы. А, между тем, мы с тобой всё профукали, Миша. Всё до последней ржавой копейки. Не надо было приходить. Вот знала же, что не стоит, а припёрлась. Дура! Была душой, душой и осталась! Сначала разъехались учиться, я всё ждала, гадала, увидимся ещё или нет. Потом ты в армию ушёл, я тебе письма писала, подбадривала, а он не успел вернуться, как сразу женился. Когда узнала, что у тебя сын родился, весь вечер белугой в туалете ревела. Я же думала, мечтала, что это я, я тебе сына рожу! Не случилось. У нас вообще ничего с тобой не случилось. Ты просто появляешься в моей жизни, всё переворачиваешь и исчезаешь. Поманишь пальчиком – я бегу. Пропадаешь на несколько лет. Звонишь. И я снова бегу. А чего бегу, зачем – не знаю. Ведь мне, Миша, давно от тебя ничего не надо! Слышишь! Ни-че-го!

МИХАИЛ (*пытается её обнять*). Сашка, да ты чего?! Ты чего?

САША. Ничего. Отстань!

МИХАИЛ. Отстань?! Ты говоришь – отстань? Ты чего вот только что мне тут наговорила, а? Что это было?

САША. Плач Ярославны.

МИХАИЛ. Я ж тебя, дуру, с первого класса любил, Саша! Ты же в мою сторону даже носа не поворачивала. Отличница, красавица! Мечта поэта. И я – вечный троечник, Миша Ноль. Помнишь, как меня дразнили в школе? Миша Ноль. Вот я всю жизнь себя нулём и чувствовал. И вздыхал по тебе издали. В старших классах мы, конечно, начали общаться и вообще типа подружились. Но я ведь даже подумать не мог, что что-то там такое... А теперь ты заявляешь, что ночей не спала! Ты перегрелась, Саша?

САША. Просто вечер откровений у нас выдался, а? Я думала, никогда тебе не скажу. Ты же этого просто не заслужил. Не заслужил права знать! Мне казалось, все вокруг видят, как я по тебе сохну. Все видели, кроме тебя. А ты всегда был себе на уме. Инопланетянин!

Наш Мишка Ноль, который, кажется, ни одной книжки не прочитал, и все таланты которого сводились к ролям Деда Мороза на школьных ёлках и бестолковым спектаклям драмкружке, с полпинка поступил в три института! Мы все просто присели, когда узнали. В театральный, в пед и сельхоз. Ничо так, расклад!

МИХАИЛ. Да брось! Это со страху.

САША. Ага, прям со страху и в три вуза. Но это ещё полбеды! Ты же отовсюду забрал документы и остался только в сельхозе. Мог актёром стать, а стал, прости Господи, ветеринаром. Никак не могу понять, ты тогда вообще каким местом думал?

МИХАИЛ. А я не думал. Я просто не знал, кем хочу стать. Вся эта богемная тусовка на абитуре в театральном меня пугала. Кто я был? Испуганный мальчик из райцентра, которому просто чертовски повезло. Некоторые по три раза поступали, а я с ходу со своим драмкружком проскочил. Меня пугали эти девочки, с утра до ночи читающие монологи из Чехова, эти патлатые мальчишки с гитарами и томиками Шекспира. А сельхоз – это было надёжно. Понятно.

САША. Да с тобой вообще ничего не бывает понятно! Говорю же – инопланетянин!

МИХАИЛ. Кто бы говорил! Вот так живёшь, живёшь, и вдруг такие предъявы. У меня во рту пересохло. Ночей она не спала. Сашка, Сашка! Просто в голове не укладывается. Это ж надо нам было так вляпаться.

САША. Я же была уверена, что ты знаешь. Это было так очевидно.

МИХАИЛ. Очевидно одно. Что самого главного мы, по ходу, никогда не видим.

САША. Так выпьем же за то, чтобы не быть такими слепцами!

Чокаются бутылками с пивом.

САША. А ты вообще зачем мне позвонил сегодня? В прошлый раз ты объявился, когда решил с женой уехать на Дон. О, я помню этот сумасшедший глаз! Мои предки – донские казаки, я в душе казак, должен жить на земле своих предков. У тебя всегда такие загоны?

МИХАИЛ. Да почему – загоны? Почему загоны? Я думал, уедем с Таней, с детьми подальше, где никто не знает, кто мы и что. Где не будет за мной этого шлейфа.

САША. Какого шлейфа?

МИХАИЛ. Неудачника. Шлейфа самого распоследнего неудачника. Там я думал начать с начала. С нуля, если можно так выразиться. Это был шанс. Реальный шанс Новый дом, новая профессия. Я же на повара выучился. Курсы кончил. Всегда любил готовить. Ну, и решил, а почему нет? Почему нельзя всё переиграть? Почему мы должны всегда следовать своему первому выбору? Ну, ошибся. Не вышло из меня ветеринара. И что теперь? Всю жизнь маяться? Вот и подумал, что никогда не поздно всё изменить. Только когда про это в книжках читаешь – это одно, а на деле – совсем по-другому. Я, когда поварился, так сказать, в этом ресторанном бизнесе, понял, что это одна большая помойка. Я просто не выдержал, Саша! И тогда, наконец, понял. Понял, что от себя не убежишь. Все наши тараканы всегда остаются с нами.

САША. Прямо открытие века!

МИХАИЛ. Может, и не открытие! Но я это на собственной, вот на этой шкуре проверил.

САША. А на фига ты вернулся?! Зачем? Если от себя не убежишь, какой смысл туда-сюда дёргаться? Ты знаешь... Я так долго привыкала, что тебя больше нет в этом городе. Я просто всей своей кожей чувствовала – тебя нет. Это было страшно – постепенно, день за днём осознавать, что я даже случайно не смогу с тобой столкнуться на улице. Я без конца твердила себе на все лады – его нет, его нет, его нет. И в какой-то момент эти слова потеряли всякий смысл. Стали набором случайных звуков. Когда вдруг отпустило, мне так

легко стало, так хорошо. Я почувствовала себя свободной от тебя. Совсем пустой. И вдруг случайно узнаю, что вы вернулись. Я неделю, неделю дышать не могла! Боялась из дома выйти. Мне всё казалось, что я не переживу, если снова тебя увижу. Просто не переживу. Но прошёл уже год, и за этот год мы так ни разу и не встретились. Сначала я боялась, потом надеялась, а потом мне стало всё-равно. Переболела. И вдруг ты звонишь, как ни в чём не бывало. Нельзя так над людьми издеваться, Миша!

МИХАИЛ. Мы вернулись, потому что Таня сказала, что с тремя не справляется. Она меня давно за самого младшего держит. Мальчишки доставали её жутко, переходный возраст, все дела, денег не было. И она сказала, что если на меня надежды нет, то хоть мама рядом будет. Чем сможет – поможет. Вот и решили поближе к родителям перебраться.

САША. Вот не сидится вам на месте, а? Туда-сюда-обратно, тебе и мне приятно, да? Вы просто оба психи ненормальные.

МИХАИЛ. Мы теперь не оба. Мы теперь сами по себе.

САША. То есть?

МИХАИЛ. А то и есть. Она меня сегодня из дома выгнала. Сказала, что я её обнулил и что она подаёт на развод. Я, собственно, и тебе позвонил спросить, нельзя ли у тебя перекантоваться.

САША. Чем дальше в лес, тем смешнее сказка!

МИХАИЛ. Да, неудачная была идея. Думал пожить у тебя несколько дней. Я же уезжаю. Работу нашёл. За границей. Там контракт на несколько лет заключают.

САША. Решил своих тараканов в мировое турне отправить?

МИХАИЛ. Очень смешно.

САША. Миша, у меня только один диван.

МИХАИЛ. Сашка, да я и на полу могу! Я же не претендую! Хоть на коврик пусти, если можешь.

САША. В полвосьмого я уйду в редакцию. Ключи у меня одни. Так что после пяти будь дома. Альме жрать ничего не давай, я сама накормлю, на улицу без поводка не выходи. Женщин не приводить!

МИХАИЛ. Каких женщин?!

САША. Это типа шутка была. Похоже, пиво плохо влияет на моё чувство юмора.

МИХАИЛ. Сашка! Ты чудо! Вот за что я тебя...

САША. Т-с-с-с! Точка, Миша! Точка! Думай, что говоришь. Хотя бы иногда. Это не так сложно, как кажется. А моё сердце целее будет. И тебе не придётся новый приют искать.

МИХАИЛ. Понял, Санёк! Я всё понял.

САША. Ну что, сожитель, идём, пока я не передумала?

5.

Поздний вечер. В кабинете Сергея Фёдоровича приятный полумрак. Накрыт стол – на нём шампанское, уже в бокалах, фрукты, закуски. За столом сидят сам "генеральный директор", Аскер, Рита, Михаил, Бивень, Волдырь и несколько других соискателей. Фоном звучит приятная музыка.

СЕРГЕЙ ФЁДОРОВИЧ. Господа! Господа! Я прошу вас всех чувствовать себя абсолютно свободно, как дома. Поднимем же, наконец, наши бокалы! Я искренне и от всей души поздравляю вас! Всех и каждого, кто так удачно прошёл собеседование на соискание этой почётной, не побоюсь этого слова, должности, которая по сути представляет из себя синтез религиозного и государственного служащего в дружественном нам государстве

Саудовская Аравия. Завтра всем вам предстоит пройти последнее испытание на – скажем прямо – непростом пути к желаемой должности. Поэтому мы решили провести сегодня небольшое оргсобрание и познакомить вас с нашим почётным гостем. Прошу любить и жаловать – Аскер ибн Дауд! Господин Аскер прибыл к нам прямо из волшебной страны двух мечетей и является полномочным представителем вашего будущего работодателя. Под его чутким руководством нам и предстоит определить тех, кто окажется достойным этой работы. Давайте же, выпьем за знакомство! Смелее! Смелее!

Все поднимают бокалы. Чокаются. Пьют.

РИТА. Ой, какое вкусное шампанское! Никогда такого не пробовала!

БИВЕНЬ. А по-моему, кислятина.

СЕРГЕЙ ФЁДОРОВИЧ. Это брют! Подарок господина Аскера. Лучшее игристое вино из личных погребов правящей династии.

ВОЛДЫРЬ. А я думал – арабы не пьют. Типа, религия и всё такое. Нет?

Аскер поперхнулся.

СЕРГЕЙ ФЁДОРОВИЧ. Да, конечно. Ислам запрещает употреблять вино. Но! Он так же требует от своих последователей соблюдать законы гостеприимства той страны, в которой они находятся. Именно поэтому господин Аскер позволил себе пригубить этот чудесный напиток. За это ему придётся принести соответствующее покаяние перед Аллахом. Но мы, кажется, слишком углубились в теологические проблемы. Давайте лучше предоставим приветственное слово нашему гостю!

АСКЕР. Вижу вас, как наяву, дорогие друзья! Да хранит Аллах ваши дома и ваши семьи! Да будут всегда острыми ваши мечи! Для меня большая честь познакомиться с теми, кто возжелал стать проводником воли Аллаха на земле!

СЕРГЕЙ ФЁДОРОВИЧ. Ну, теперь, когда с формальностями покончено, я попрошу господина Аскера в нескольких словах обрисовать вашу будущую работу, а потом вы все сможете задать ему любые интересующие вас вопросы, касаемые завтрашнего испытания и всего, что вы только захотите узнать.

РИТА. Ой, всё это так захватывающе!

БИВЕНЬ. Мне не понятен вот какой вопрос...

СЕРГЕЙ ФЁДОРОВИЧ. Одну секунду! Немного терпения! Сейчас я передаю слово дорогому нашему Аскеру ибн Дауду, а ваши вопросы чуть позднее, надеюсь, никто не возражает?

МИХАИЛ. Да нет, конечно.

ВОЛДЫРЬ. Пусть валяет!

АСКЕР. Что рассказать вам, друзья, об уважаемой и престижной...

СЕРГЕЙ ФЁДОРОВИЧ. И по достоинству оплачиваемой...

АСКЕР. ...и по достоинству оплачиваемой должности государственного палача? Труд этот всегда почитался, как престижный и очень ответственный. У нас существуют целые трудовые династии. И нет человека, который бы не оказывал всех возможных почестей, приличествующих этой профессии. Кроме того, палачи традиционно получают высшие королевские и правительственные награды и почётные грамоты за свой самоотверженный труд. И это, конечно, не считая регулярных квартальных и годовых премий и выплат. Чтобы овладеть мастерством палача требуется только одно – владение холодным оружием

и бесконечное чувство такта. Да-да, ибо в обязанности палача всегда входила подготовка к процедуре соприкосновения меча с областью шеи. В том числе и обязанность навестить семью жертвы, ибо только они в праве просить о помиловании. Но в нашем мире это большая редкость. Потому что оступившийся должен понести наказание. И чаще всего семья только приветствует и настаивает на казни. Как говорится, дура лекс, сед лекс.

ВОЛДЫРЬ. Э! Не понял! Это чего? Мы психотерапевтами нанимаемся или палачами?

МИХАИЛ. А он ещё и по латыни шпарит!

СЕРГЕЙ ФЁДОРОВИЧ. Ну что вы всё перебиваете? Дайте сказать человеку.

РИТА. Ой, это всё очень, очень волнующе, вы не находите? Я прямо дрожу вся!

СЕРГЕЙ ФЁДОРОВИЧ. Попрошу тишины! Я вас очень прошу! Секундочку внимания!

АСКЕР. Из трёх видов допустимых нашей конституцией видов публичной казни палачи осуществляют только отсечение головы и конечностей. Есть ещё побивание камнями, ну, и некоторые другие казни, которые осуществляются посредством народной воли.

ВОЛДЫРЬ. "Партия Ленина, сила народная".

БИВЕНЬ. Да-да, я всё понял.

МИХАИЛ. Ох, я пожалуй, ещё по бокальчику.

РИТА. И мне, и мне, пожалуйста.

АСКЕР. Успешность карьеры на этом поприще напрямую зависит от того, насколько острый ваш меч. Он должен быть острым, как бритва, и всегда содержаться в идеальном состоянии. Позвольте!

Оборачивается, достаёт чехол, напоминающий чехол от музыкального инструмента и достаёт оттуда какое-то мачете.

АСКЕР. Скимитар! Арабский меч! Потрясающей красоты и опасности оружие!

РИТА. Ой, мамочки!

СЕРГЕЙ ФЁДОРОВИЧ. Да! Это действительно прекрасно!

ВОЛДЫРЬ. Какой-то он несерьёзный. Лёгкий.

СЕРГЕЙ ФЁДОРОВИЧ. Хотите испытать?

ВОЛДЫРЬ. Э... Нет, пожалуй, нет. Ни к чему! Я охотно верю!

АСКЕР. Ровно семнадцать секунд занимает у профессионального палача церемония отсекновения. Нашу страну иногда называют королевством отрубленных голов, но это, конечно, слишком кровожадно. Правда и в том, что мы по заслугам гордимся развитой сферой публичных казней. Мы, в отличие от американцев, которые слишком затягивают церемонию, делаем всё быстро и красиво! Без всякой волокиты и излишнего бюрократизма.

ВОЛДЫРЬ. Вот, а у нас сплошная бюрократия, чего не коснись. Ни в поликлинику, ни в жэк, никуда просто не сунешься...

БИВЕНЬ. Мне не понятен вот какой вопрос...

СЕРГЕЙ ФЁДОРОВИЧ. После, после, господа! Теперь, когда у вас сложилось определённое впечатление, то есть появилось некое понимание, я думаю, мы быстренько обсудим несколько оргвопросов. Итак, наше мероприятие состоится завтра на закате солнца в условленном месте. Моя помощница выдаст всем схему, как добраться до точки. Как вы понимаете, законы нашего государства несколько отличаются от законов наших друзей, поэтому мы не можем быть абсолютно уверены в стопроцентной законности завтрашнего испытания. Думаю, вы согласитесь со мной, что в наших общих интересах сохранить всё в строжайшей тайне, даже в отношении самых близких людей. Не сочтите,

конечно, эти конспиративные меры дешевым фарсом. Нам действительно лучше соблюдать статус секретности. В процессе церемонии вы должны будете продемонстрировать свои навыки и умения. Убедившись в вашей профпригодности, мы сможем перейти к заключению контрактов с теми из вас, кто успешно пройдет проверку и окажется достоин этой должности. А теперь я позволю себе оставить вас наедине с нашим гостем, чтобы вы могли пообщаться в непринужденной обстановке, а сам, пожалуй, выйду на свежий воздух. Очень курить хочется.

Слышится гвалт голосов. Все поднялись. Шумят, разговаривают наперебой. Михаил наливает себе шампанского. Рита не сводит глаз с Аскера. Сергей Фёдорович идёт к выходу, за ним выходит Волдырь.

6.

Крыльцо офисного здания. Темнеет. Возле урны стоит Сергей Фёдорович и Волдырь.

ВОЛДЫРЬ. Не найдётся сигаретки?

СЕРГЕЙ ФЁДОРОВИЧ (*угощает его сигареткой, прикуривают*). Тоже имеете пагубную привычку?

ВОЛДЫРЬ. Да я так, иногда, знаете, только когда волнуюсь.

СЕРГЕЙ ФЁДОРОВИЧ. А чего вы волнуетесь? Не стоит волноваться! Я почему-то уверен, что у вас неплохие шансы. С вашим-то ремеслом.

ВОЛДЫРЬ. Ну да, конечно, то есть я хотел сказать, что тоже очень надеюсь, потому что...

СЕРГЕЙ ФЁДОРОВИЧ. Никто, конечно, не может дать стопроцентной гарантии, вы понимаете... Выбор всё-таки будет делать нанимающая сторона, мы, так сказать, только посредники...

ВОЛДЫРЬ. Да-да, я понимаю. Но ведь вы, как посредники, можете оказать определённое влияние что ли...

СЕРГЕЙ ФЁДОРОВИЧ. Ну, это вряд ли, вряд ли. Корпоративная этика не позволяет, мы придерживаемся строгих принципов и всё такое.

ВОЛДЫРЬ. А вы могли бы в частном, в частном порядке. Вы же знакомы с господином Аскером, мне показалось, что вы, как бы это выразиться, на короткой ноге. Вот я и подумал, ну, знаете, за определённое вознаграждение. Ведь я в долгу не останусь, вы понимаете!

СЕРГЕЙ ФЁДОРОВИЧ. Вообще, конечно, корпоративная этика запрещает. А я – лицо компании в вашем городе, всё-таки интересы компании я ставлю выше личных и...

ВОЛДЫРЬ. Это конечно! Конечно! И всё-таки я бы очень хотел надеяться

СЕРГЕЙ ФЁДОРОВИЧ. Разве что только исключительно из-за симпатии к вам, ведь мне кажется, что вы, как никто, подходите на эту должность. Владеете мясницким ремеслом, и вообще человек серьёзный, как я вижу.

ВОЛДЫРЬ. Уж я отблагодарю, вы не сомневайтесь! Только замолвите там за меня словечко и я буду ваш вечный должник. По гроб жизни не забуду вашей доброты.

СЕРГЕЙ ФЁДОРОВИЧ. Ну, прямо уж доброты. Нет, доброта тут не при чём. Мне кажется, это пойдёт на благо нашему делу. Не вижу ничего плохого, если мы поможем определиться с выбором нашим восточным друзьям. Всё-таки, мне кажется, они не как мы разбираются в людях. Ну, особенности менталитета и всё такое.

ВОЛДЫРЬ. Я вот тут принёс с собой некоторую сумму, в качестве аванса, так сказать... Тут немного, но, если всё у нас получится, я принесу больше, много больше, ведь работа прибыльная, да?

СЕРГЕЙ ФЁДОРОВИЧ. Не то слово! Это просто рай, а не работа. Восток всегда славился своим богатством и щедростью, и они не скупятся на хороших специалистов. Ценят их превыше всего. Так что, думаю, скоро мы станем у вас в долг до зарплаты стрелять, а?! Что вы на это скажете?

ВОЛДЫРЬ. Вы всегда, всегда можете на меня рассчитывать!

СЕРГЕЙ ФЁДОРОВИЧ. О, я в этом не сомневаюсь. Доверие между партнёрами – основа всех дел, не так ли?

ВОЛДЫРЬ. Так, именно так!

СЕРГЕЙ ФЁДОРОВИЧ. Поэтому я думаю, никакой речи об авансе даже идти не может! Вы доверяете мне, я всецело доверяю вам...

ВОЛДЫРЬ. Да-да-да-да-да!

СЕРГЕЙ ФЁДОРОВИЧ. И, чтобы не было между нами никаких недоговорённостей и, знаете, обид там или претензий, я готов взять всю сумму сразу.

ВОЛДЫРЬ. Всю сумму?

СЕРГЕЙ ФЁДОРОВИЧ. Ну, вы же сказали, что принесли небольшой задаточек, так? Ну вот! Я возьму всю сумму сразу и уж постараюсь, чтобы контракт с вами был подписан в приоритетном порядке. Я даже расписку могу вам дать, если у вас остались какие-то сомнения.

ВОЛДЫРЬ. Нет! Что вы! Я ничуть в вас не сомневаюсь! Вот только... Хотелось бы поточнее узнать сумму... Ну, чтобы я мог прикинуть и....

СЕРГЕЙ ФЁДОРОВИЧ (*наклоняется к Бивню, шепчет что-то прямо в ухо*). Всего-то! Я человек скромный, а для вас это сушая ерунда. Тем более, что скоро вы станете богаче всех нас вместе взятых.

ВОЛДЫРЬ. Да, конечно, но мне, видите ли, надо как-то... э... подсобрать что ли. Ну, оно вроде и не много, но всё ж существенно, я человек небольшого достатка.

СЕРГЕЙ ФЁДОРОВИЧ. Это пока! Пока! Скоро вы так подниметесь по социальной лестнице, что нам вас будет уже не догнать.

ВОЛДЫРЬ. Ну да, но ведь ещё не сейчас.

СЕРГЕЙ ФЁДОРОВИЧ. Хорошо! Давайте так. Встретимся с вами здесь, скажем, через час, и вы передадите мне всю сумму. Я понимаю, что с собой вы столько денег, конечно, не носите. У вас в городе такой разгул криминала! Это же просто неосмотрительно, таскать с собой такие суммы. Вы очень разумный человек! И я рад, если смогу содействовать тому, чтобы вскоре вы оказались в Саудовской Аравии. Вот уж где можно не бояться выходить на улицу ночью! Тем более, если ты государственный палач!

ВОЛДЫРЬ. Хорошо. Я мигом! Туда-обратно. Пулей слетаю.

СЕРГЕЙ ФЁДОРОВИЧ. Ну, уж не бегите. Никуда я от вас не денусь! Ещё сигаретку на дорожку?

ВОЛДЫРЬ. Нет, я, пожалуй, пойду.

СЕРГЕЙ ФЁДОРОВИЧ. Тогда увидимся через час.

ВОЛДЫРЬ. Ок! Я скоро.

Волдырь скрывается за углом. Сергей Фёдорович курит. Вскоре из здания выходит Бивень, топчется.

СЕРГЕЙ ФЁДОРОВИЧ. Угостить вас сигареткой?

БИВЕНЬ. Да-да, пожалуйста. Мои уже кончились, я просто не успел до киоска.

СЕРГЕЙ ФЁДОРОВИЧ. Ничего-ничего, не смущайтесь так. Вот, прошу, угощайтесь. Приятно покурить с хорошим человеком, знаете. Я никогда не против приятной компании.

БИВЕНЬ. Э... Ну да, я тоже.

СЕРГЕЙ ФЁДОРОВИЧ. Ну, вот видите, между нами даже есть что-то общее. Вы не находите, нет? Вообще, вы мне сразу приглянулись, показались самым симпатичным претендентом из всех. У меня, знаете, нюх на такие вещи. Что-то мне подсказывает, что завтра вы проявите себя просто блестяще...

Они всё говорят и говорят о чём-то,, на улице быстро темнеет, и вот в ночи видны уже только два уголька от тлеющих сигарет. Вскоре они погасли. Бивень торопливо скрылся за углом. Сергей Фёдорович снова остаётся один.

7.

Детская площадка возле многоэтажки. В песочнице играют дети, рядом прогуливаются мамы с колясками. Крики, визг, шум. Кто-то ссорится, кто-то кого-то отчитывает, кто-то кого-то зовёт. Шумит неподалёку трасса. На скамейке сидит Саша. К ней по дорожке идёт Рита. Садится рядом.

РИТА. Здравствуйте, Александра Анатольевна.

САША. Привет-привет! Ну? Какие новости?

РИТА. О, вы не представляете! Всё просто кошмарно!

САША. Где ты понабралась таких эпитетов, детка? Меньше эмоций, больше фактов. Что там? Что-нибудь нарыла?

РИТА. Ещё как нарыла! Сняла все копии документов, сертификатов, но это всё лажа, понимаете? Посмотрела в инете, там вообще нет никакой информации про эту контору. Это же чистой воды мошенники, вы понимаете, я..

САША. Я всё понимаю. Гораздо больше, чем ты можешь представить. Для материала нужны факты, Риточка! Факты. Подробности. Детали. Мы должны сообщить читателям схему. Конкретно. Кто кого и как разводит, понимаешь?

РИТА. Да, да. Сегодня у них что-то намечается. Что-то такое кошмарное. Они попросили меня на вечер им проститутку заказать. Чтоб на всё готова была и вопросов не задавала. Это же капец просто!

САША. Рита, я просила! Давай без эпитетов!

РИТА. Одним словом, они на сегодня назначили испытание своим палачам. За городом. Время и место я знаю, но мне на сегодня дали отгул. Сказали, что могу не появляться.

САША. Ага, не хотят светиться, понятно. Так, это интересно. И что?

РИТА. Александра Анатольевна, разрешите мне туда пойти! Это же будет настоящее журналистское расследование! Репортаж с места событий!

САША. Брось! Расследование она собралась делать. Этот жанр умер вместе с журналистикой! И потом, это может быть опасно.

РИТА. А что вы предлагаете мне? Торчать в вашей дебильной редакции и писать новости про спасение уточек? Про детей, падающих из окон? Про аномальную жару и картошку в форме жопу, которую вырастили наши читатели? Блин, я не для этого на журфак поступала!

САША. Так, чтобы я больше от тебя этого не слышала, поняла! Редакция ей не нравится, видите ли. Ну и дуй тогда в "Комсомолку", в центральную редакцию, там, конечно, тебя примут на практику с распростёртыми объятиями. И будешь какому-нибудь придурку кофе носить и за пивом бегать. Новости ей наши не нравятся. Ты пока двух слов внятно связать не можешь, а всё туда же. Репортажи, расследования. Только с горшка слезла. Второй курс, а уже звезду героя ей подавай. Журналистом себя называет. Да ты ещё и до юнкора не доросла, детка!

РИТА. Ну, Александра Анатольевна, вы же сами сказали – если всё получится, на первую полосу поставите материал.

САША. "Сказала". Мало ли что я сказала! Так, пойдём вместе. Берёшь редакционный фотик, поняла. Звук отключи сразу. Вспышку тоже. Диктофона возьмём два. Лучше перестраховаться. И ещё. В редакции пока молчок. Держи язык за зубами. Главному скажем на планёрке, когда материал готов будет. И не раскатывай губу раньше времени! А то прям звезда отечественной журналистики. Наткнулась на обычное разводилово и уже глаза загорелись, губки задрожали. Никакого особенного криминала тут нет. Но тема наша. И мы первые в городе её поднимем. Какой-никакой, а типа, эксклюзив будет. Если сумеешь довести до ума. В материале укажем, что эту публикацию редакция просит считать официальным обращением в компетентные органы. И потом сможем писать, что газета помогла вывести на чистую воду аферистов. Так, было бы идеально, если бы ты смогла снять копии с их паспортов.

РИТА. Ну, я ж говорю – мне сегодня сказали не появляться.

САША. Так, кончай этот детсад. Придумай что-нибудь! Скажи, что забыла что-то в офисе. Ну, или там не успела доделать и не считаешь себя в праве пускать дела на самотёк.

РИТА. Ясно.

САША. Ясно ей. Всё-то тебе ясно! Как божий день. Нет, Риточка, чтобы быть журналистом тебе ничего не должно быть ясно. Ты всё-время должна задавать себе вопросы. Сомневаться. Проверять. Уточнять. Каждое слово. Каждую запятую. Иначе ты никогда не станешь журналистом. И в лучшем случае будешь работать в нашей паршивой районной газетке. И ещё скажешь спасибо, что не менеджером по рекламе. Всё! Дуй в офис. И кинь на мыло инфу, где и во сколько сегодня туса. Договоримся, где встретимся. Места надо занять пораньше. И желательно, в партере, поняла?

РИТА. Да поняла я, поняла. Не зачем на меня так давить. Не тупая!

САША. Не тупая – так докажи, деточка! Вот если твой материал на сайте, скажем, попадёт в топ новостей яндекса, ну, пусть хотя бы местного, тогда и будешь собой гордиться. А пока нечем, Ритусик! Нечем пока гордиться! Всё! Свободна!

Рита уходит. Саша всё сидит на скамейке. А рядом шумит детская площадка, доносятся звуки трассы. Город живёт своей жизнью. И нет ему никакого дела до каждого отдельного человека.

8.

В это же время в Мишиной "двушке". Тихо открывается входная дверь в пустую квартиру. Дома никого. Михаил заходит в коридор, отпускает на пол кота, снимает обувь.

МИХАИЛ (коту). Ну, старик, вот ты и дома. Соскучился, а? Сейчас, Марсик, я тебя накормлю. Пойдём, порыщем в холодильнике. Как на счёт картошки? Нет? Не вариант?

Ну, молока выпей. Давай, старик! Там тебя, наверное, голодом морили. У этих приставов сыт не будешь. Смотри, рёбра торчат. У меня, кстати, тоже скоро наружу вылезут. Жрать охота – не поверишь! Так, что у нас тут?

Достаёт из холодильника солёные огурцы, вчерашние макароны, майонез и т.д. Ест.

Ща закатим пир горой. Ну вот что за люди, а? Стоило уйти из дома, как начали всякую дрянь жрать. Как не умела Танька готовить, так и не научилась. Макароны по-флотски – её предел, да, Марсик? Вот скоро уеду, кто тебя кормить будет? Так и кони двинуть не долго. Ты тут осторожнее. Береги себя. И в обиду не давай. А то знаю я эту семейку. Кого хочешь с ума сведут. Нет, я вообще на них зла не держу. Сам во всём виноват, как думаешь? Загнал себя в угол, а теперь что? Теперь назад пути нет. Теперь только вперед и с песней, к светлому будущему. Хочется тебе, Марсик, светлого будущего? А вот мне уже, веришь, нет, ничего не охота. Просто бы лёг под одеяло и лежал всю жизнь. Просто лежал бы и лежал. И ни о чём не думал. Знаешь, как это хорошо – ни о чём не думать? Хорошо быть кисою, хорошо собакою, да, Марсик? А нам, двуногим, всю жизнь приходится что-то решать, выбирать, что-то делать. Женимся, детей рожаем, работаем, ломаем жизнь себе и другим. Маемся, маемся. А зачем? Когда можно было родиться котом и целыми днями лежать, спать и иногда жрать и гадить. Завидую я тебе. Чёрной завистью. Мне вот теперь ехать надо. Далеко и надолго. На такие бабки я, кот, попал, что тебе и в страшном сне не приснится. А тебе, слушай, вообще, снятся сны? Как-то никогда об этом не думал – снятся ли котам сны? По правде сказать, я вообще мало когда о чём думал. Всё ломился, ломился куда-то, бежал. И, похоже, добежался. Идёт бычок, качается, вздыхает на ходу... Я ж теперь убийцей стану, кот. Представляешь? Хотел актёром стать, а стану убийцей. Оно хоть и называется по-другому, а по сути – это и есть. Буду голову людям рубить. Знаешь, как курам рубят. И бабки за это получать. Прикольно, кот, а? Думаешь, слабо? А не фига! Не фига мне, кот, не слабо! А знаешь, почему? Потому что, когда тебя в угол зажимают, ты уже на всё готов! Ты будешь рвать и драть, и до крови биться, когда тебя в угол зажали. Хочешь, проверим? Проведём следственный эксперимент? Вот сейчас как сверну тебе бошку, что ты скажешь мне на это, кот? Ну, Марсик, иди сюда! Кис-кис-кис! Иди сюда, паршивец! Ты думаешь, мне слабо? Ты думаешь, на лоха напал? А ну сейчас как тебе врежу! Как оторву твой паршивый хвост! Иди сюда, я сказал!

Кот убегает в комнату, Михаил за ним.

Поганая ты овца! А! Попался, гад!

Садится с котом в кресло. Тискает его.

Ну, приятно тебе? Приятно? Чего ты дрыгаешься? Чего рвёшься? Неприятно, кот? Ах ты, сволочь! Кусаться вздумал?! Козёл! Поганец! Ты же меня поцарапал, гад! Я ж пошутил, кот. Просто хотел показать, как это – когда тебя за жабры берут. Когда просвета нет. Когда дышать нечем... Марсик! Марсик! Ну, чего ты забился? Всё, всё. Пошутил я. Пошутил, кот. Хотя какие уж тут шутки. Танька сказала, что достали они её. Типа, шуточки мои. А меня и самого они достали. Я ж не знаю сам, чего от себя ожидать. Сам замучился, жену замучил. Надо дать ей, Марсик, хоть какой-то шанс, да? С таким дятлом, как я, каши не сварить, кот. Жизнь не построишь. Вот уж воистину – дурная голова ногам покоя не даёт.

А мне-то, кот, мне кто покоя не давал? Мог бы жить себе спокойно, кончить учагу, работать слесарем, кормить жену и детей, смотреть футбол, пить пиво. А мне всё чего-то особенного хотелось. Чего-то такого.... Ну, как тебе объяснить? Я ж думал, что я особенный. Внутри вот чувствовал, что не такой какой-то. Думал, что всё смогу. Что если только захотеть, то человек всего может достичь. Если работать. Если просто знать и делать своё дело. И что? Вышло всё, кот, совсем не так, понимаешь? Можно вкалывать до смерти, до потери пульса, а выше головы не прыгнешь. Если был нулём, нулём и останешься. Хоть на пупу вертись. Вот я и верчусь. Я бы сказал – довертелся. Видишь, какой финт судьба-то выкинула? К арабам еду. Волю Аллаха исполнять. Да мне уже плевать, если честно, чью волю исполнять. Только б деньги платили. Выбраться из долгов. Таньке шубу купить. Зубы ей отремонтировать. Парням институт оплатить. Что ещё? Что-то ведь ещё было, кот? Не помню. Да и чёрт с ним! Просто бросить всё, уехать с баблом в Калифорнию, и жить там, на берегу океана. Открыть кафешку. Знаешь, как назову её? Кофейня "У палача". Как тебе, кот? По-моему, прикольно! Воспитывать внуков. Завести кресло качалку и собак. Читать книжки. Удить рыбу. А? Поймать такого большого марлина. Хочешь марлина, кот? Не пробовал? Вот и я не пробовал! Ну, ничего, ничего! Ведь у нас всё впереди! У нас ещё вся жизнь впереди, кот! Вот уедем отсюда далеко-далеко, и чтоб никаких паршивых берёз вокруг.

Начинает кусками сдирать со стены фотообои с берёзками.

Никаких берёз! Никаких чёртовых берёз! Только пальмы! Бананы! Океан! И солнце, кот! Солнце! Как надоели мне эти дожди, этот снег чуть не 12 месяцев в году. Эта серость. слякоть. Я тепла хочу! Немного тепла и немного любви. Вот и всё, что мне надо! Разве я много хочу, Марсик? Вот ты скажи мне – я много хочу?

В комнату входит Таня. Наблюдает весь этот кавардак.

ТАНЯ. Ты, по ходу, по шее получить хочешь! Какого лешего ты тут устроил? Ты пьян? Дай я тебя понюхаю!

МИХАИЛ (*садится в кресло*). Я Марсика принёс, а у него наполнитель в туалете кончился. Вот я и решил это старье ему в туалет бросить, вместо опилок.

ТАНЯ. Кота? Да ты опять гонишь! Он же у приставов.

МИХАИЛ. Я охраннику взятку дал в приюте. И он мне его отдал.

ТАНЯ. Взятку? За кота? Да ты совсем упал что ли? Ты в своём уме! У нас за кредит не плачено! Нам жрать нечего!

МИХАИЛ. Я тебя очень прошу, Таня, не шуми. Ты можешь хоть раз на меня не орать?

ТАНЯ. Да как на тебя не орать?

МИХАИЛ. А ты попробуй. Это не так сложно, как кажется на первый взгляд.

ТАНЯ. Ты можешь мне спокойно и внятно объяснить, зачем ты пришёл? Ведь я тебя выгнала. Я сегодня заявление писала в суд. Из-за несовершеннолетних детей развести нас могут только в судебном порядке. И что? Прихожу домой и снова вижу, как ты с ума сходишь. Ты вообще в порядке, а? Может, ты упал там, ну, или я не знаю. То капусту рубит, то обои сдирает.

МИХАИЛ. Ага, я упал с табуретки, и доктор мне сказал, что это депрессия. И чтоб её вылечить, мне надо выпустить моё деструктивное сознание наружу. Что-то сломать там или выкинуть. Или навернуть кому-то. Хочешь, я тебе наверну? Хуком с левой?

ТАНЯ. Ты шут гороховый! Ты когда-нибудь перестанешь паясничать? Сколько можно вообще?! Я, когда с тобой познакомилась, думала, что ты самый смешной, самый весёлый парень на всей земле. Помнишь, ты встретил меня у фонтана и предложил мне купить у тебя гвоздь за один рубль. Сказал, что у тебя есть вагон гвоздей и, если ты продашь каждый гвоздик хотя бы по рублю, то станешь миллионером? Мне так смешно это показалось. И я купила у тебя гвоздь. А потом ты купил мне мороженное. У нас девчонки в ателье просто не поверили, что так бывает. А я сказала, что это твой фирменный способ знакомиться. Знала бы, Миша, как всё будет, я бы тебе этот гвоздь знаешь, куда засунула?! МИХАИЛ. Нет. Расскажи!

ТАНЯ. Как я устала от тебя, Миша. Как я от тебя устала.

МИХАИЛ. Наша Таня громко плачет! Ничего, малыш, скоро отдохнёшь. Я со дня на день уеду. Надолго уеду. Я почти заключил контракт. И тогда ты сможешь жить, как сама знаешь. Я больше никогда тебя не побеспокою. Мальчикам, конечно, деньги присылать буду. За это не беспокойся!

ТАНЯ. Какие деньги, Миша?! Где ты их видел? Что это такое – деньги?!

МИХАИЛ. Ладно тебе, не прибедняйся! Забыла она.

ТАНЯ. Живём от моей зарплаты до аванса. Надоело! Не хочу!

МИХАИЛ. И не будешь. Это я тебе обещаю, Таня.

ТАНЯ. Ты можешь внятно сказать, куда ты собрался?! Всё намёками, намёками. В какую авантюру ты на этот раз ввязался?

МИХАИЛ. Никакая это не авантюра. Правительство Саудовской Аравии объявила конкурс за замещение вакантной должности палача. Им требуется восемь человек. И у них очень приличные условия. Я практически прошёл отбор и...

ТАНЯ. Палача? Ты сказал – палача? Ты вообще шибанулся?!

МИХАИЛ. Почему ты всегда меня гнобишь? Почему сразу шибанулся? Я нашёл серьёзную мужскую работу, за которую платят охренительные деньги, и всё, что ты можешь сказать – что я шибанулся? Да я уже почти контракт подписал, ты знаешь, чего мне это стоило? Я, чтобы наверняка попасть, такую взятку дал, что тебе и не снилось! Я кредит взял для этого! Все другие кредиты закрыл, долги все раздал, кота выкупил и за чемоданом пришёл. У меня уже скоро загранка будет на руках и билеты на самолёт. Ты никогда, никогда в меня не верила! Может, всё, что мне надо было, чтоб хоть кто-то хоть немного в меня поверил! Что я не ноль, что я чуть больше ноля! И тогда бы всё, всё было по-другому. Но теперь я сам! Поняла! Я сам выбрал эту работу! И я уеду! Уеду так далеко, чтоб никогда не слышать больше твоих истеричных воплей! А ты сидит тут и пьётся на свои грёбаные берёзки на стене! Никогда, слышишь, никогда больше не хочу тебя даже видеть! Осточертело!

ТАНЯ (*садится в кресло, закрывает глаза руками.*) Я таких дураков в жизни не встречала. Кредит он взял. Чтоб палачом устроиться. Знаешь, Миша, просто уходи сейчас же. И дверь не забудь закрыть.

9.

Один из пустырей города N. Скоро солнце сядет. Тени уже стали длинными, а свет – таким особенным, какой бывает только на исходе дня.

На пустыре между двух тонких берёзок натянута верёвка. На ней – огромное покрывало. За покрывалом на складном рыбацком стуле сидит кто-то, закинутый с головой в чёрную ткань. Перед этой странной фигурой – обычный рыбацкий ящик для зимней ловли. Правая рука человека выставляется из-под ткани и лежит на ящичке. Мы видим,

что это женская кисть в дешевых перстнях и кольцах. Её владелица, судя по всему, уже не молода. Но, не исключено, всё ещё красива.

Возле неё суетятся Серёга и Аскер. Что-то подправляют. Что-то проверяют – рядом стоят несколько непонятных коробок. Одним словом, готовятся.

СЕРГЕЙ ФЁДОРОВИЧ. Прямо Сонька-золотая ручка, а?

АСКЕР. Вот на счёт золотой – это ты в точку! Не фига она таксу загнула! Она нас разорит за вечер.

ЖЕНЩИНА. А вы что думали? Думали, я бесплатно позволю делать со мной всё, что вздумается, да? Нет, красавчики, за всё в этом мире надо платить! А вы такой балаган тут устроили, что не грех и в четверо против обычного взять. Я считаю, что всё по справедливости. Вы велели лишних вопросов не задавать, а я очень любопытна. Заставили лицо закрыть, а я ещё очень даже ничего. И просили сидеть тихо, как мышь, а мне это очень непросто. И считаете, что я ещё загнула таксу? Да, может, вы меня тут кончить решили, а? Нет уж! Я свою цифру назвала. Не хотите – я буду считать себя вольной птичкой.

СЕРГЕЙ ФЁДОРОВИЧ. Сиди уж, птичка! Всё-равно больше на это никто не подписался. Так что ситуация у нас патовая. Но если ты хоть пикнешь – голову оторву, так и знай.

АСКЕР. Чтобы ни происходило, ты должна просто сидеть, не двигаться и молчать. Обещаю – ничего с тобой не случится. Ты услышишь странные вещи, но просто не слушай всё, что мы тут будем нести. У нас тут типа розыгрыша такого. Знаешь, друга одного решили подколоть.

ЖЕНЩИНА. Ну, дай вам Бог досчитаться всех зубов после таких приколов.

АСКЕР. Это уже наши проблемы. Ты же должна будешь слушать мои приказы и в точности выполнять всё, что я говорю. Я всегда буду рядом с тобой. Всё, что я попрошу, ты должна будешь делать быстро, точно и без вопросов, ясно тебе?

На тропинке, ведущей на пустырь, появились несколько фигур. Среди них мы видим уже знакомых нам Волдыря, Бивня и Михаила.

СЕРГЕЙ ФЁДОРОВИЧ. Идут! Всё, женщина, молчи! Онемей! Заглохни!

Серёга и Аскер поспешно поправляют покрывало, чтобы проходящим не было видно фигуру в чёрном. Серёга выходит навстречу, Аскер ждёт в сторонке.

СЕРГЕЙ ФЁДОРОВИЧ. Прошу, прошу вас, господа, проходите! У нас сегодня условия полевые, сами видите. Так что прошу вас усаживаться прямо на землю. Вот, устраивайтесь, скоро начнём.

ВОЛДЫРЬ. Я пока перекурю, пока время есть.

СЕРГЕЙ ФЁДОРОВИЧ. Конечно! Вперёд! У нас ещё есть пара минут.

МИХАИЛ (*Волдырю*). Угости сигареткой. Не богат сегодня.

ВОЛДЫРЬ. Бери, конечно. У меня, правда, у самого последние, но ты не стесняйся, напарник.

МИХАИЛ. Что-то мандраж немного.

ВОЛДЫРЬ. Да ты не парься! Я вообще не переживаю. Всё на мази! Если уж мы всё прошли, и собеседование, и тестирование, и только практическое, так сказать, испытание осталось, то, можно сказать, работа у нас в кармане.

МИХАИЛ. Да, оно, конечно, так. Но что-то нехорошо. В груди прям как будто давит.

ВОЛДЫРЬ. Это просто жара тебя доканала. Вторую неделю жарит так, что уж и не помню, когда такое было-то. У меня все кабачки на огороде засохли, представляешь? Картошка на корню сгорела.

СЕРГЕЙ ФЁДОРОВИЧ. Итак, друзья! Близится закат. Сейчас мы начнём наше испытание. Как вы все прекрасно знаете, казни в Саудовской Аравии всегда происходят на закате солнца. Преступника ставят лицом к Мекке. Ну, и так далее. Всё это вы уже прекрасно знаете. А некоторые важные подробности вам сообщат на месте. Первые две недели у вас будет стажировка. Затем месяц вы будете считаться учениками палача. И потом сможете приступить к самостоятельной работе. Сейчас господин Аскер ибн Дауд, наш уважаемый гость, покажет вам оружие, владение которым вам и надо будет продемонстрировать.

АСКЕР (*достаёт из чехла всё то же странного вида мече*). Мир вашему дому! Рад вас видеть в добром здравии. Итак, вот этот меч станет сегодня для каждого из вас оружием, несущим волю Аллаха. Традиционно у каждого палача есть свой скимитар, дотрагиваться до которого запрещается кому-либо, кроме хозяина. Но иногда случается так, что меч остаётся без хозяина. Тогда он превращается в учебный.

БИВЕНЬ. Как это – остаётся без хозяина? Я не понял!

АСКЕР. В силу тех или иных причин. Например, хозяин этого скимитара совершил государственное преступление, за что и был казнён на главной площади нашей столицы вот этим самым мечом. Для преступника это большая честь – расстаться с жизнью посредством личного оружия. Обычно это не практикуется. Но он был хороший палач. потомственный, и король сделал для него исключение из правил.

ВОЛДЫРЬ. Фигасе! Это всё равно, чтоб меня моим мясницким ножом зарезали. Что-то мало приятного.

МИХАИЛ. А когда тебя режут – вообще мало приятные ощущения, должно быть. Там уж неважно, чем и как.

АСКЕР. Таким образом, меч утратил хозяина и стал учебным. С помощью этого оружия, прекрасного и грозного, мы сегодня и определим, кто сможет в ближайшее время получить столь желаемую вами работу.

СЕРГЕЙ ФЁДОРОВИЧ. Значит, так. Сейчас мы проводим жеребьёвку и определяем порядок испытания. Затем вы по очереди должны будете зайти за наш импровизированный занавес и отсечь преступнику, которого по просьбе господина Аскера доставили сегодня к нам из тюрьмы Эр-Рияда, правую конечность. Господин Аскер, покажите нам осуждённого!

*Аскер отдёргивает занавес. Все видят фигуру в чёрном.
На шее у неё поверх ткани завязана грубая верёвка.*

АСКЕР. Эта порочная женщина осуждена за кражу золота на центральном рынке нашей столицы. Воровство по закону карается отсекновением конечности. Сегодня наступил срок, когда приговор должен быть исполнен.

СЕРГЕЙ ФЁДОРОВИЧ. Благодарю вас! Итак, друзья, кто справится с заданием – получит должность палача.

БИВЕНЬ. Мне не понятен вот какой вопрос...

СЕРГЕЙ ФЁДОРОВИЧ. Боюсь, время вопросов истекло! Сейчас время действовать.

БИВЕНЬ. Но ведь...

СЕРШЕЙ ФЁДОРОВИЧ. Никаких "но"! Вы берёте оружие, отсекаете преступнику правую руку и получаете работу. Или не получаете. Всё зависит только от вас. Итак, господа, прошу на жеребьёвку.

Достаёт из карманов спички, ломает одну, прячет их в кулак.

Кому достанется короткая – тот первый.

Все подходят, тянут спички.

БИВЕНЬ. Ой, что это?

ВОЛДЫРЬ. У него короткая!

СЕРГЕЙ ФЁДОРОВИЧ. Ну вот, и определился первый испытуемый! Поздравляю вас!

БИВЕНЬ. Но... Я...

МИХАИЛ. Держись, пацан! Просто сделай это.

БИВЕНЬ. Да-да, я всё понял.

ВОЛДЫРЬ. Лучше б я вытащил, сделал дело – гуляй смело.

СЕРГЕЙ ФЁДОРОВИЧ. Ничего, ничего, всему своё время. Итак, сейчас мы достанем необходимый инвентарь. Господин Аскер, подайте, пожалуйста, всё, что нужно.

БИВЕНЬ. Чего?

СЕРГЕЙ ФЁДОРОВИЧ. Просто доверьтесь профессионалам.

ВОЛДЫРЬ. Не дрейфь, парень!

АСКЕР (*выходит из-за покрывала.*) Так, вручаю вам этот меч! И этот колпак. Это – обязательная форма палача. Встаньте на одно колено.

Подаёт ему оружие и надевает на Бивня высокий чёрный колпак в стиле ку-клукс-клана.

МИХАИЛ. Цирк какой-то.

ВОЛДЫРЬ. Ну, я бы так не сказал. Серьёзные ребята, по всему видно.

АСКЕР. Прошу следовать за мной!

Бивень встаёт, неуверенно идёт за Аскером. Аскер скрывается за покрывалом. Бивень мнётся с другой стороны.

ГОЛОС АСКЕРА. Где же вы? Эй! Сюда!

Бивень стоит. Все замерли. Из-за шторы высовывается голова Аскера.

АСКЕР. Сюда, я прошу вас, проходите.

БИВЕНЬ (*тихо*). Я не могу.

АСКЕР. Простите, что?

БИВЕНЬ (*снимает колпак*). Я не могу.

ВОЛДЫРЬ. Вот слабак! Дай я!

СЕРГЕЙ ФЁДОРОВИЧ. Не вмешивайтесь, господа!

АСКЕР. Но как же так? Вы же хотите получить эту работу?

БИВЕНЬ. Ну... Я... Вообще-то...

АСКЕР. Итак, вы отказываетесь принимать участие в испытании, я правильно вас понимаю?

БИВЕНЬ. Нет. То есть да. То есть...

АСКЕР. Что?

БИВЕНЬ. Ничего!

Бросает меч, разворачивается и уходит прочь.

АСКЕР. Нельзя! Нельзя так обращаться с оружием! Какое святотатство!

СЕРГЕЙ ФЁДОРОВИЧ (*вслед Бивню*). Эй! Как же так? Пойдите! (*Обращается к оставшимся соискателям.*) Ну, тут уже ничего не поделать. Он сделал свой выбор. Каждый сам хозяин своей судьбы. Нет, так нет. Собственно, для этого и нужна была процедура испытания, чтобы отсеять тех, кто не в состоянии занимать эту должность. Итак, процедуру вы представляете! Прошу тянуть спички!

Все подходят, тянут спички.

ВОЛДЫРЬ. А я сразу говорил, что он не потянет! Дохлак!

МИХАИЛ. Да ладно, оставь уже его в покое.

ВОЛДЫРЬ. Да он просто сдулся!

МИХАИЛ. И что? И что, что сдулся? Запинать его теперь?

ВОЛДЫРЬ. Эй, парень! Не заводись!

МИХАИЛ. А ты не подзуживай, и без того на душе погано.

ВОЛДЫРЬ (*рассматривает короткую спичку*). О! Кажется, у меня.

СЕРГЕЙ ФЁДОРОВИЧ. О, поздравляю! Вам выпал шанс показать нам мастер-класс! Прошу! За дело берутся профессионалы! Итак! Господин Аскер!

Волдырь ухмыляется, сразу опускается на одно колено. Аскер подходит, вручает ему оружие, надевает колпак.

ВОЛДЫРЬ (*ощупывает колпак, прорези для глаз на нём выше, чем должны быть*). Кажется, размерчик не мой. Я ни черта не вижу в нём!

АСКЕР. Это безразмерный колпак. На месте вам сошьют по вашим меркам. Как вы понимаете, здесь мы не можем каждого обеспечить удобной формой. Просто следуйте за мной и выполняйте мои команды. Ничего. Не споткнётесь! Прошу вас!

ВОЛДЫРЬ. Ну, мужики, я пошёл! Не скучайте тут без меня, я быстро. Раз - два и готово!

Аскер и Волдырь скрываются за покрывалом.

МИХАИЛ. Ишь, какой быстрый нашёлся. То же мне, шустряк.

Все ждут.

ГОЛОС АСКЕРА (*из-за покрывала*). Осуждённая! Приготовьтесь понести заслуженное наказание. Да исполнится воля Аллаха! Господин палач, кисть осуждённой прямо перед вами. Можете наносить удар!

ВОЛДЫРЬ (*кричит*). А-а-а-а-а!

Слышится мощный удар. И одновременно – отчаянные женские вопли.

ВОЛДЫРЬ (*выбегает из-за шторы, срывая её на ходу*). Ай эм э чемпион!

Все видят вскочившую женскую фигуру в чёрном, нигде не видно никаких следов крови, "осуждённая" потирает кисть правой руки.

АСКЕР. Палач промахнулся!

СЕРГЕЙ ФЁДОРОВИЧ. Что же вы! Ай-ай-ай! Какое недоразумение!

ВОЛДЫРЬ. Что? Что такое? Я не понял!

СЕРГЕЙ ФЁДОРОВИЧ. По всей видимости, вы промахнулись!

ВОЛДЫРЬ. Не может быть! Этого не может быть! Я никогда! Да я же...

СЕРГЕЙ ФЁДОРОВИЧ. Ничего, ничего! С каждым из нас может случиться такая досадная осечка. Се ля ви! Что ж, у вас был шанс, но вы его, к моему искреннему огорчению, упустили.

ВОЛДЫРЬ. Чего я упустил? Ты, мужик, ничего не попутал?! Я сколько тебе заплатил?!

СЕРГЕЙ ФЁДОРОВИЧ. Тише! Тише! Перестаньте орать! Не трогайте меня!

Я думаю, мы уладим этот вопрос!

ВОЛДЫРЬ. Чего? Чего ты уладишь, мартышка?!

СЕРГЕЙ ФЁДОРОВИЧ. Я думаю, я думаю, господин Аскер даст вам ещё одну попытку, да? Господин Аскер?

АСКЕР. Сперва испытание должны пройти оставшиеся претенденты! По регламенту каждому даётся только одна попытка. Таково положение о конкурсе на соискание должности.

СЕРГЕЙ ФЁДОРОВИЧ. О! Придумал! Придумал! Мы отдадим вам попытку первого молодого человека. Он же её не использовал, да? Не реализовал, так сказать, своё право на удар?

АСКЕР. Я думаю, это будет справедливо.

ВОЛДЫРЬ. Ещё бы не справедливо! А то я смотрю, вы тут совсем уже! Ладно, я подожду. Посмотрю на этих сосунков, и покажу вам, где раки зимуют. Я не мог промахнуться. Что-то тут не чисто. Я ещё не понял, что к чему, но я обязательно докопаюсь. Не мог я, понимаете, промахнуться. Акелла не промахивается, запомните это!

СЕРГЕЙ ФЁДОРОВИЧ. Итак, Михаил, думаю, когда нас осталось так мало, смысла тянуть спички уже нет. Прошу приступить к испытанию!

МИХАИЛ. Я готов.

СЕРГЕЙ ФЁДОРОВИЧ. Отлично! Господин Аскер!

АСКЕР (*несёт колпак и меч*). Итак, испытуемый, встаньте на колено.

МИХАИЛ. Давайте без церемоний!

АСКЕР. Соблюдение церемониала проведения публичной казни – одно из обязательных условий.

МИХАИЛ. Да-да. Но хочется уже покончить с этим.

Водружает на голову Михаила колпак палача. Вручает меч.

АСКЕР. Прошу следовать за мной.

Аскер и Михаил скрываются за покрывалом.

ГОЛОС АСКЕРА. Осуждённая! Господин Палач! Настала пора исполнить волю Всевышнего! Да свершится справедливое возмездие!

В этот момент пустырь будто ожил.

Со всех сторон к нашей компании несутся омовцы в форме. Слышны крики и визг.

- Всем оставаться на своих местах!
- Руки вверх!
- Не двигаться!
- Стой, сволочь!

В секунду оказался сорванным и растерзанным импровизированный занавес, натянутый между берёзами. Вот кто-то из омовцев снял верёвку и чёрную накидку с "осуждённой", оказалось, что это старая, потрёпанная жизнью проститутка. Она брыкается и оказывает сопротивление. Вот кто-то споткнулся в сумерках о банку с красной краской и она разливается кровавым пятном по траве. Одна из коробок попала под чьи-то берёзы, и из неё высыпались на свет оторванные руки от манекенов. Ошарашенная компания соискателей оглядывается. Они растеряны. Никто ничего не понимает. Глаза слепит свет омовских фонариков. На всех, кто был на пустыре, надевают наручники. Ведут к машинам. Сергея и Аскера среди задержанных нет... Из-за спин омовцев появляются раскрасневшиеся Саша и Рита. Саша видит, как Михаила тащат в автозак.

САША (омовцу). Отпустите его! Это не он!

ОМОВЕЦ. Приказано задержать всех.

САША. Мишка! Это недоразумение! Вас сейчас отпустят!

РИТА. Вы знакомы?

МИХАИЛ (кричит Саше). Ты как здесь? Что? Сашка!

САША. Миша! Что мне делать?

МИХАИЛ. Сообщи Тане! Слышишь?! Тане сообщи!

Так же быстро, как налетели, омовцы растаяли в вечернем воздухе. Тихо и темно стало на пустыре. Не осталось даже следов недавних событий – всё забрали омовцы в качестве вещдоков. Только пятна красной краски остались. Но и их почти не видно. Рита и Саша сидят возле берёз. Курят. Молчат.

10.

Редакция газеты. Кабинет Саши. На столе компьютер, чашка с кофе, пепельница. Саша сидит, смотрит в окно, о чём-то думает. Стук в дверь. Заходит Рита с ноутбуком.

РИТА. Александра Анатольевна, можно? Материал готов. Скинула его в общую папку, в текущий номер.

САША. Не прошло и полгода! Проходи. Так, что у нас здесь... (Читает с монитора.) "Джентльмены удачи посетили наш город. Жертвами мошенников стали около десяти человек". Рита, как ты себе представляешь – "около десяти человек"? Это как? Девять с

половиной? Вас что, вообще русскому языку не учат? Ладно, поехали дальше... "Банда мошенников объявилась в городе чуть больше недели назад". Рита, ты вообще мозг включаешь, когда пишешь? Или только компьютер? Банда мошенников! Да их только двое было! Двое – это не банда! Даже не пол банды. "Поймать преступников помогли журналисты нашей газеты". Блеск! Две фактические ошибки в одном предложении. Ты идёшь на рекорд! Во-первых, их так и не поймали. Оба объявлены в федеральный розыск. А что ты пишешь? "Поймать преступников помогли". Их теперь долго ловить будут! Надо искать точные глаголы, Рита. Выбирать слова. Или – по вашему – фильтровать базар. Я уже не знаю, как тебе ещё объяснять. Материал за материалом, а работы над ошибками никакой. Дальше. Ты употребляешь слово "журналисты" во множественном числе. Если тебя считать хотя бы за половину журналиста, да и это пока под большим вопросом, то где ты ещё взяла полтора журналиста? Я, кажется, пока какой-никакой, а редактор. Если перед этим словом не стоит слово "главный", это не повод понижать меня в должности. Шутка! Ты пойми, я ведь не из-за амбиций каких-то так говорю. Меня хоть горшком назови, только в печь не ставь, но я тебя прошу – думай, когда пишешь. Хоть немного работай головой. Как я этот текст могу поставить на первую полосу? Его в корзину надо. РИТА. Я... Я постараюсь, Александра Анатольевна. Дайте мне ещё немного времени.

САША. Времени? Да у тебя целый день был на этот текст! Ты ещё к Новому году его напиши! Когда все забудут про это дело. Это сейчас весь город на ушах стоит. Ещё бы! Два клоуна срубили за неделю полмульта, как с куста, и благополучно смылись. А мы с тобой добыли эксклюзив! Собрали кучу информации. Вызвали полицию, когда дело запахло керосином. Да на этом можно такой пиар газете сделать. И что? С таким подходом, как у тебя, всё коту под хвост пойдёт!

РИТА. Ну, может, там хоть что-то стодится? Может, вы дочитаете, нет?

САША. А тут и читать нечего. Ну, вот смотри. Вот это что?! "Предлагая нашим слабоумным горожанам за определённое вознаграждение содействие при трудоустройстве на должность палача". Я не поняла, ты что, чувство юмора решила проявить? Зубки прорезались? Акулой пера себя возомнила? Да ты понимаешь, что это наши читатели? Как ты их назвала? Слабоумными? Думаешь, далеко ушла? Твоё мнение, детка, пока никого в этом городе не интересует. И своё отношение высказывай, пожалуйста, в "Одноклассниках", а не на страницах газеты. Там же можешь тренироваться в зубоскальстве. А нам важны факты. Информация. А не твои измышления и ядовитая слюна. Ты понимаешь, что у нас уровень безработицы в этом году рекордный за последние несколько лет? Ты знаешь, что такое – сидеть без работы, когда у тебя жена и дети? Самато до сих пор на шее у родителей болтаешься! Ешь, пьешь, спишь на халяву. Я в твоём возрасте училась, шла на красный диплом, между прочим, на полставки работала в редакции, а по утрам уборщицей в общаге подрабатывала. Потому что меня некому было содержать! Мне из дома ста рублей не могли послать. Не из той семьи вышла, понимаешь? Так что, зубки будешь показывать, когда сама начнёшь из себя хоть что-то представлять. А пока мала ещё!

РИТА. Да что вы все мне моим возрастом в лицо тычете? Как будто молодость – самый страшный в жизни недостаток?! Надоело! Только и слушаешь, с утра до ночи, как все тебя жить учат! Одно и то же везде! Вот подрастёшь, вот наберёшься опыта! Да, блин, задолбали! Можно подумать, если ты молодой – то ещё недочеловек. Урод какой-то. Как будто вы все сразу, с пелёнок были гениями! Ага! Как же! Тогда бы вы не сидели в вашей задрипанной газетке, которую никто не читает. Рассовывают по почтовым ящикам, а народ кошкам в сортир вашу газету рвёт. А вы ещё к словам цепляетесь! Как будто кто-то её

читает. Насмешили! Да вы просто неудачница! Так же как ваш этот приятель, Михаил. Я, когда он на собеседование пришёл, сразу поняла, какое это ничтожество. Только полные кретины могли поверить в это разводилово!

САША. Знаешь, ты, конечно, права. Мы с ним оба неудачники. И я неудачница. И он. Мы в школе вместе учились. Я тебе не говорила, нет? Оба получили образование. Оба потом вернулись в свой город. Мы все о чём-то тогда мечтали. Знаешь, когда тебе двадцать, кажется, что ты гений! Что ты всех умнее и лучше всех всё понимаешь в этой жизни. Но она в итоге оказывается совсем не такой, как ты себе представляешь. Всё немного по-другому выходит, понимаешь? И тогда очень хочется сделать кого-то виноватым. В том, что не сложилось так, как хотелось. Но виноваты всегда мы сами. Только у кого-то есть силы принять это и смириться, а у кого-то нет. Я, например, смирилась. Давно поняла, что вот это всё – мой потолок. Что мне не заработать миллионов. Не будет у меня ни яхты, ни бриллиантов, ни сумасшедшего счастья. Даже семьи у меня не случилось. И такое иногда бывает, знаешь ли. И что теперь – пойти повеситься? Это только в раскрученных псевдопсихологических книжках пишут, что мы сами создаём себе рамки, что никаких границ на самом деле не существует, что мысль материальна. Бред! Просто надо смириться. Смириться и попробовать получать удовольствие от того, что есть. А Мишка... Мишка всю жизнь пытается выше головы прыгнуть. Что-то кому-то доказать. Ищет себя. Знаешь, в чём-то я ему завидую. Я смирилась. А он – нет. Он не боится ошибиться. И не раз всё начинал с начала. Он отчаянный. И поэтому иногда его, конечно, сильно заносит. Вот как теперь. Но это не повод называть его слабоумным. Знаешь, это так просто – бить наотмашь, выносить приговор, вешать ярлыки. А попытаться понять, что двигает людьми, о которых ты пишешь, – вот это уровень мастерства, к которому надо стремиться. Но тебе до него, как до Луны пешком. Так что иди и переписывай текст. У нас сдача в печать через три часа. Не напишешь так, что меня всё устроит с первого раза, считай, что твоя практика у нас окончена. Свободна.

РИТА (*встаёт из-за стола, идёт к двери, в последний момент оборачивается*). А вы, оказывается, стерва, Александра Анатольевна! А с первого взгляда и не скажешь.

Выходит и хлопает за собой дверь.

11.

Гостиная в Мишиной квартире. От стены, где ещё недавно висели клочки фотообоев с выцветшим изображением берёз на фоне ярко-синего неба, отодвинуты стол и старые кресла. На табуретке возле стены стоит Михаил. Клеит новые фотообои. Из кухни выходит Таня.

ТАНЯ (*вытирая руки о фартук*). Миш, может, чебуреков нажарить?

МИХАИЛ. Можно.

Пауза.

ТАНЯ. Тебе чая сделать?

МИХАИЛ. Давай.

ТАНЯ. С сахаром или с молоком?

МИХАИЛ. С сахаром.

ТАНЯ. Сейчас принесу.

МИХАИЛ. Не надо, я сам приду. Почти закончил уже.

Михаил разглаживает тряпкой новые фотообои на стене. И мы видим, что на них нарисован высокий утёс, морская пена, разбивающаяся о скалы, и белый маяк на фоне темнеющего неба.

ТАНЯ. Красиво получается.

МИХАИЛ. Давно надо было ремонт сделать.

ТАНЯ. Надо.

МИХАИЛ. Мне кажется, тут как-то темнее стало, нет?

ТАНЯ. А, по-моему, очень хорошо.

МИХАИЛ. Ну ладно. Хорошо, что хорошо.

ТАНЯ. Только тихо очень без мальчиков.

МИХАИЛ. Ничего, скоро вернутся. Тёща, наверное, стреляется уже с ними.

ТАНЯ. Да нет, вроде нормально. Не жалуется.

МИХАИЛ. Вот вернутся, пойдём все вместе в киношку.

ТАНЯ. Помнишь, как мама впервые нас в кино отпустила? Когда уже Пашка родился?

МИХАИЛ. Ну да, через пять минут ты уснула и проспала весь сеанс.

ТАНЯ. Зато выпалась!

МИХАИЛ. Хорошее время было.

ТАНЯ. Наверное. Я не знаю.

МИХАИЛ. Мне сейчас кажется, самое лучшее время. Тогда ещё... всё впереди было.

ТАНЯ. Ты всё мечтал, что когда мальчики подрастут, мы все на море поедим. Хотел им медуз показать.

МИХАИЛ. И настоящий маяк. И корабли. И шторм на море. Дурак был. Всю жизнь только и делал, что умножал на ноль. Но математика – жестокая вещь. В ней не бывает чудес. Умножение на ноль всегда в результате даёт только ноль.

ТАНЯ. Не надо, Миша! Не грузись уже.

МИХАИЛ. А что не надо? Я правду говорю! И ты тогда правду сказала. Я вас обнулел. Всю жизнь вам испоганил. И остались мы, как в сказке, у разбитого корыта.

ТАНЯ. У нас мальчики есть. Квартира...

МИХАИЛ. И кот. Про кота забыла! Гениально! Мальчики, квартира и кот. Опция "Всё включено".

ТАНЯ. Опять твои шуточки?

МИХАИЛ. А что мне ещё остаётся?

ТАНЯ. Вечный ка-вэ-эн с тобой.

МИХАИЛ. Ага, клуб весёлых и находчивых. Таких находчивых, аж тошно.

ТАНЯ. Мы что-нибудь придумаем. Как-нибудь... выпутаемся потихоньку.

МИХАИЛ. Что? Что мы при думаем? Я же тебе говорю – умножение на ноль даёт только ноль. У нас же ничего не осталось! Мне теперь за всю жизнь не расплатиться.

ТАНЯ. Ненавижу, когда ты вперёд пытаешься загадывать. Всё у тебя так глобально, так масштабно. Почему нельзя просто жить? Вот, знаешь, есть сегодня, что пожрать, и хорошо. Есть, что носить, есть, где спать – и ладно. Почему так не получается? Почему всегда надо прыгать через голову?

МИХАИЛ. Дурная голова потому что. Не голова, а котёл какой-то.

ТАНЯ. У тебя не котёл – у тебя настоящая скороварка!

МИХАИЛ. И у этой скороварки, чувствую, скоро все клапана сорвёт. Знаешь, меня просто разрывает со психу. Уже тошнит от своего бессилия.

ТАНЯ. А ты не психуй, Миша. Толку теперь психовать? Пошли лучше чай пить.

МИХАИЛ. Ну, конечно! Вот она – женская логика. Вся жизнь накрывается медным тазом, а она зовёт пить чай. Вот так, запросто! Только стирхина, мне пожалуйста, двойную порцию. Чтоб наверняка.

ТАНЯ. Ты что, хочешь, чтоб я тебя пожалела, да? Чтоб по головке погладила? Может, тебе ещё песенку спеть?

МИХАИЛ. Не заводись! Сейчас кисточки вымою и приду.

Таня уходит на кухню. Михаил с кистями идёт в ванную. Через секунду оттуда доносится звук бегущей из-под крана воды. Она льётся долго, долго, долго. Почти бесконечно. Наконец с кухни доносится голос Тани.

ТАНЯ. Чай остывает!

МИХАИЛ. Я... сейчас. Сейчас.

12.

Всё та же детская площадка возле многоэтажки. Вечер. Понемногу темнеет. На скамейке сидят Саша и Михаил.

МИХАИЛ. Ты... очень меня выручила, Санёк. Я даже не знаю, как... как тебя благодарить.

САША. А мне, Миша, не нужны твои благодарности. Тебе такое не приходило в голову?

МИХАИЛ. Злишься?

САША. Я? Кто я такая, чтобы злиться? У меня просто нет на это морального права. Я рада. Рада, что смогла тебе помочь. Хотя, какая уж тут помощь. Ну, пустила переночевать. Это не считается. Ну, полицию вызвала, когда вы там... развлекались. Но это тоже не считается, я же не знала, что и ты клонешь на эти сказки Шахерезады. Тоже мне! Мастер, пресекающий ненужные жизни!

МИХАИЛ. Как? Как ты сказала?

САША. Не обращай внимания. Книжку одну вспомнила.

МИХАИЛ. А в этой книжке не написано... Ну, не знаю, что делать со своей беспутной жизнью?

САША. В книжках, Миша, много, что пишут. Но к жизни это, как правило, не имеет никакого отношения. Особенно к нашей. Кому она интересна? Нас с тобой тут одна наша новая знакомая назвала неудачниками, прикинь?

МИХАИЛ. Ритка что ли?

САША. Списала нас со счетов. Вы, говорит, оба свою жизнь профукали.

МИХАИЛ. Ну, Сашка, нет! Со мной-то ясно. А ты... Ты всегда была умница, отличница и просто красавица. Да и вообще...

САША. Вот именно – и вообще. Всё это, как оказалось, не имеет ровно никакого значения. Кстати, хотела тебя повеселить! Мне в полиции досье показали на этих с позволения сказать "гастролёров", так вот, Сергей Фёдорович, оказывается, тоже в театральном учился. Правда, его отчислили с третьего курса.

МИХАИЛ. Я не учился в театральном.

САША. Но поступил ведь! А представь, если бы не забрал документы и не пошёл бы в сельхоз? Такую карьеру артиста мог бы сделать! Ездил бы по городам и весям, устраивал бы лохотрон, стриг бабки.

МИХАИЛ. Меня деньги боятся. Кому-то они просто в руки текут, а меня боятся. Как жил, видно, нищеводом, так и умру. Карма, наверное, плохая.

САША. Деньги, Миша, как женщины. Всегда чувствуют, когда их... не любят.

МИХАИЛ. Саша!

САША. Ты не бойся, это же я так, к слову. Я тебе говорила уже, что всё прошло, как с белых яблок дым.

МИХАИЛ. Я тебе не говорил? Таня заявление забрала. О разводе.

САША. Поздравляю.

МИХАИЛ. Та-да-да-да... Звучит марш Мендельсона, аплодисменты, а затем реквием. Как говорится, жили они долго и счастливо, и умерли в один день.

САША. Что-то у тебя сегодня прям похоронное настроение. Или ты всё ещё отойти не можешь от того, что работу эту не получил? Представляю, какой бы из тебя палач вышел! Господи! Чем ты только думал?!

МИХАИЛ. Знаешь, я всё время спрашиваю себя и не могу понять, смог бы я всё-таки или нет. Мне кажется, я был на всё готов. Понимаешь, на всё! Я был уверен, что смогу. Ведь это так просто! Мне хотелось проверить себя. Испытать по-настоящему. Всю жизнь, с первого класса, мне говорили, что я ноль, что я никто, а тут... Ты подумай, разве может никто сделать такое? Забрать у кого-то жизнь? Отнять всё. Буквально всё! А ведь по сути в тот момент, за секунду до казни, человек целиком находится в твоей власти. Ты становишься для него почти Богом. Нет, даже не почти, а именно им!

САША. Ты псих! Ты чокнутый! Ты ненормальный! Как тебе вообще такое могло прийти в голову? Просто новый суперблокбастер! Каламбия пикчерз представляет. "Как Миша Шноль решил стать Богом". Отлично! Блестяще! Вот только, боюсь, "Оскара" тебе за такую роль всё равно бы не дали. Ты уж прости, что я так... откровенно. Но кто-то же должен вправлять твои покосившиеся мозги!

МИХАИЛ. Я просто хотел доказать, что не пустое место.

САША. Да, доказательство теорем от противного – явно не твой конёк.

МИХАИЛ. Зато я на ноль умножать умею.

*Саша улыбается. Смеётся. Миша тоже начинает смеяться. Им ужасно весело.
Они всё смеются и смеются, и никак не могут остановиться.*

13.

Лето. Железнодорожный вокзал города N, даже не города – городишки, где и поезда дольше десяти минут не задерживаются. На первом пути стоит состав. Возле каждого вагона – толпа.

Возле одного из вагонов стоят Серёга и Аскер. Они одеты как можно более неприметно. Прячут под панамы лица. Вдоль перрона идёт Рита. На ней летнее платье и тёмные очки. Она вглядывается в лица пассажиров и продавцов, наконец, замечает своих бывших работодателей, быстро подходит к ним.

РИТА. Ой, а вот и вы! Я так рада, что вас нашла!

СЕРЁГА. Привет, Ритусик! Какая.... встреча.

РИТА. Не ждали?

АСКЕР. Какого чёрта?! Ты на фига припёрлась?

РИТА.Фу! Как некрасиво! Раньше вы мне больше нравились! (*Дразнит.*) О, роза моего сердца! О цветок моей души!

СЕРЁГА. Тебе что надо?

РИТА. Да, собственно, почти ничего. Сушая, знаете, ерунда. Вы просто забыли выплатить мне зарплату...

СЕРЁГА. Ты... маленькая дрянь... Сейчас медленно разворачиваешься и тихо, незаметно отсюда уходишь, если не хочешь неприятностей. И чтоб я тебя больше никогда не видел, поняла?

РИТА. Нет, Сергей Фёдорович! Боюсь, это вы меня не поняли. Если вы сейчас же не отдадите мне все деньги, то я просто закричу. Знаете, как я славно умею верещать? Закачаешься просто! Я же блондиночка! Дурочка секретарша! Я подниму такой визг, что сюда прибежит не только вон тот наряд полиции, но и со всего города менты сбегутся. И гораздо раньше, чем вы сядете в поезд. Вы что, забыли, кто вам билеты на поезд заказывал? Ай-ай-ай! Ритусик оказалась не такой бестолковой, как вам показалось, да? Какая досада! Ну что, мальчики, давайте ваши денежки!

Серёга снимает с пояса барсетку.

АСКЕР. Ты офанарел что ли? Ты что творишь?

СЕРЁГА. Кажется, роза твоего сердца нас сделала, напарник.

РИТА. Так не пойдёт! Сначала откройте и покажите деньги.

АСКЕР. Ты что, детективов по ящику насмотрелась? Да ты знаешь, что бывает со случайными свидетелями? Я тебе, сука, голову отверну!

РИТА. А вы мне не угрожайте! Не надо. Просто вспомните, что у меня копии ваших паспортов, всех документов. Если бы хотела, на первом же допросе рассказала. Но я же вас не сдала. И про билеты на поезд не сказала.

АСКЕР. А! Кажется, понимаю! Детка захотела красивой жизни? Почуяла вкус денег?

СЕРЁГА. Слушай, давай по честному. Половину тебе, половину нам. Идёт?

РИТА. Да при чём здесь ваши деньги? Вы, тупые, наглые твари, так и не поняли, что людей унижать не хорошо. Вы помыкали мной, как ручной обезьянкой! В цирк придумали поиграть, да? Меня просто до изжоги задолбало, что меня никто ни во что не ставит! Все вокруг такие умные, повывавшие жизнь! Все всё понимают! Уроды! Старайся, Ритусик! Включи голову, Ритусик! Шевели ляжками, Ритусик! Так вот, сейчас Ритусик заберёт все деньги и собственноручно вернёт их тем, кого вы кинули. А потом очень постарается, чтобы в газете вышел материал, где напишут, что "молодой журналист нашего издания с риском для жизни помогла вернуть деньги всем пострадавшим от рук мошенников". С групповой фотографией счастливых дурачков, которых вы кинули, на первой полосе. "Обращаться в полицию она не стала, так как считает её коррумпированной и продажной". Вауля! После такой пиар-акции, мальчики, меня возьмут работать в любую газету. И вы ещё увидите мою фамилию в центральной прессе!

СЕРЁГА. Да, девочка, мы бы с тобой сработались.

РИТА. Не судьба, Сергей Фёдорович! Не судьба! Так что давайте ваши денежки, пока я не передумала.

Сергей отдаёт Рите барсетку. Аскер угрожающе надвигается на неё. Она пятится.

АСКЕР. Я тебя из-под земли, слышишь, из-под земли достану!

СЕРЁГА. Легче! Легче, напарник!

Тут из динамиков доносится усталый женский голос.

– До отправления скорого поезда «Москва-Владивосток» остаётся две минуты. Просьба пассажирам занять свои места. Провожаящих просим выйти из вагона.

Сергей и Аскер заходят в вагон. Проводник закрывает дверь. Рита с перрона машет поезду рукой.

– Скоро́й поезд «Москва-Владивосток» с первого пути отправляется. Скоро́й поезд «Москва-Владивосток» с первого пути отправляется...

Гудок. И вот уже поезд тронулся и вскоре скрылся за поворотом. Перрон опустел. Только ветер гоняет по нему кучи мусора и листьев. Стая бездомных псов рыщет в поисках халявы. Вокзальные вороны роются в мусорных баках. Тишина.

**Темнога
Занавес
Конец**

Вятка. Севастополь. Июль, 2015.